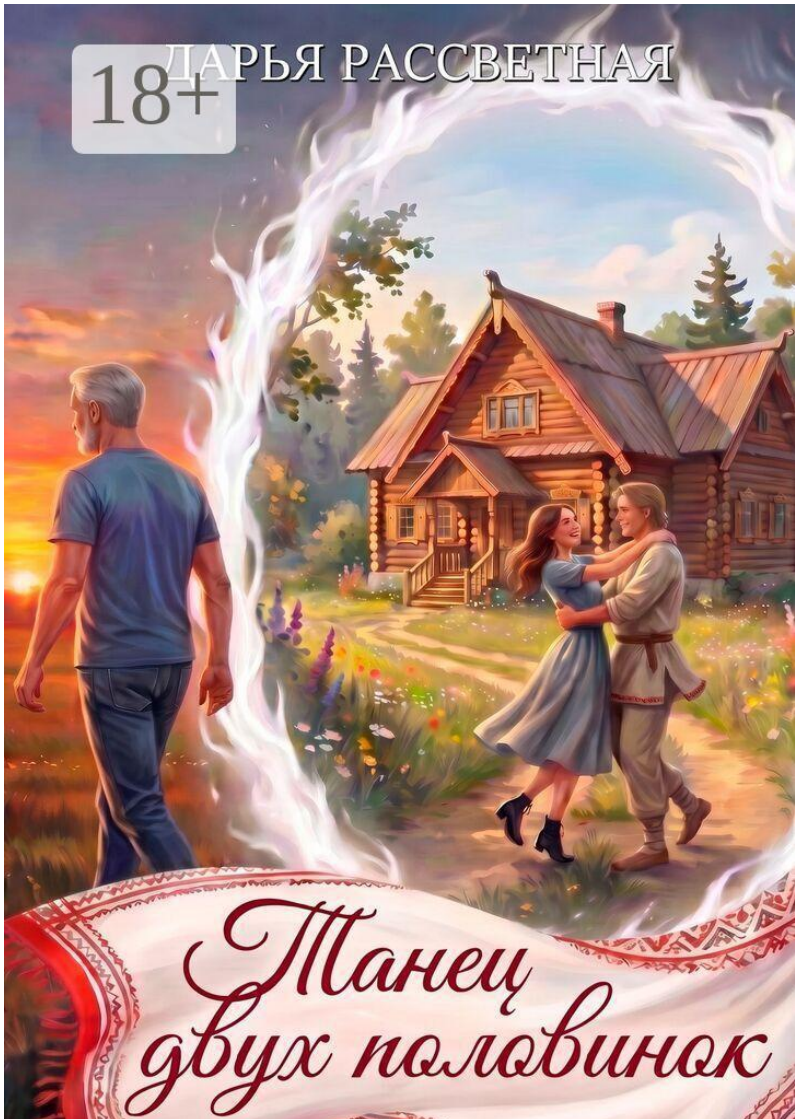

18+ ДАРЬЯ РАССВЕТНАЯ

Манец
двух половинок

Дарья Рассветная

Танец двух половинок

<https://litres.ru/74590772>

ISBN 9785007144100

Аннотация

Катя просит Высшие силы, чтобы они наконец подарили ей встречу с настоящей Любовью. Удивительные происшествя намекают Кате, что Встреча с Суженым впереди.

Спустя время на работе Катя сталкивается с непреодолимым чувством к одному мальчику. Он крайне молод и красив, но женщина и сама хороша собой.

Катя мечтает о романтике, однако получает то, о чём даже представить не могла...

Книгу можно читать также в формате сборника повестей «Наполняющие до краев», где опубликована часть текста.

Содержание

Несколько особенностей о книге	6
Отзыв на роман-трилогию «Однажды происходит встреча»	7
Глава 1. ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ	9
Из слуги в дамки	9
Важный момент	18
Вибрации из пространства	20
Разговор в учительской	23
Девушка Тимофея. Сон	31
Первоначало сближения	34
Творческие встречи	37
Глава 2. ПОГРУЖЕНИЕ	39
Признание на коленях	39
Как я воспринимаю тебя на самом деле	43
Обмен «сердцами»	47
Признание на мосту	52
Остаться или уехать	57
Глава 3. В ПЕРВЫЙ РАЗ	60
В детском саду наедине	60
Первая совместная поездка	68
Первый костер и первая ночь	72
А вот и сказка	76
Гимнастика чаровниц	79

Ох уж эти хороводы	84
Глава 4. ТРЭ-Ш	91
«Трэвел»	91
Год разлуки	98
Наши танцы	101
Родители Тимофея	107
Серьезный разговор	110
ГЛАВА 5. НЕВОЛЬНАЯ ИГРА В «ПРЯТКИ»	114
«Операция» на лбу	115
Удобный случай	118
Успеть до грозы	120
Прошу руки вашей дочери	123
Глава 6. «ТРИО»	128
Перекресток	128
Срезанные повороты	131
Обманутая бабушка	133
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Танец двух половинок

Дарья Рассветная

© Дарья Рассветная, 2026

ISBN 978-5-0071-4410-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько особенностей о книге

Книга является третьей в трилогии «Танец двух половинок». У неё есть начало «Суженый, приходи ко мне» и продолжение «Запретное желание».

Книга написана не только для того, чтобы поделиться с читателями происходящими событиями, но показать, что пространство вокруг нас, где бы мы ни были, что бы ни делали, всегда на связи. Оно не молчит, оно постоянно ведёт с нами диалог. В книге достоверно и прямо показано, как именно оно разговаривает, при помощи каких средств и какими способами можно слышать его. Также надо иметь в виду, что мало уметь слышать пространство, его нужно уметь понять.

Иногда глава завершается коротким аналитическим комментарием или философскими стихами.

Итак, приглашаю вас в путешествие для встречи с половинкой.

Дарья Рассветная

Отзыв на роман-трилогию «Однажды происходит встреча»

Роман Дарьи Рассветной — это сентиментальное произведение с элементами романтики и мистики. Здесь повествуется об опыте встреч и расставаний одной девушки-женщины.

Роман состоит из трех частей, в которых последовательно описываются духовные искания и земные поиски лирической героини, начиная с ее студенческих лет. «Неумолимое желание познакомиться со своей Судьбой порождает удивительное разнообразие способов, неординарность ситуаций и обстоятельств, при которых происходило воображаемое знакомство», — пишет автор и погружает нас в воображаемый мир Кати — девушки, которая видится читателю то наивной и простой в своих идеализированных мечтах, то практичной и ответственной во взаимоотношениях со спутниками по жизни.

Ситуации и обстоятельства описываются действительно как неординарные и удивительные. Героиня движется по пути неизведанного с интересом и трогательной верой в предначертанные дороги, которые пересекаются по воле случая у людей, ищущих смысл и свою любовь, искреннюю и безусловную. А любовь нельзя заставить появиться, к ней надо

прийти. Прийти и узнать, попутно задавая себе экзистенциальные вопросы о смысле жизни и о своем предназначении.

Через призму восприятия главной героини рисуются образы претендентов на вторую половину. Словно шепотом, с придыханием, боясь спугнуть то самое, героиня отдается волшебным чувствам без пошлости и без вседозволенности. Описывается томная грусть переживаний, но переживания светлые, мягкие, как будто окутанные перьями ангелов, в которых героиня непоколебимо верит. Героиня старается во всем видеть хорошее и удивительное, открывая для себя двери в неизведанное и неизбежное. Мистические и отчасти религиозные элементы романа ненавязчивы. Автор оставляет читателю выбор: верить или не верить.

Роман Дарьи Рассветной читается легко и быстро. По гендерной принадлежности это женский роман, однако, его нельзя было бы назвать только любовным. Здесь нет ярких страстей и выраженной динамики любовных приключений. Лирика повествования не стереотипна: проза перемежается с поэтическими вкраплениями по ходу сюжета: повествование от третьего лица сочетается с повествованием-воспоминанием от первого лица; финал произведения открытый. Роман Дарьи Рассветной «Однажды происходит встреча» безусловно найдет своего читателя.

Анна Киндеркнехт

*(Пермское отделение Российского союза профессиональных
литераторов)*

Глава 1. ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

*«Второе дыхание» отражает
Невероятную по силе вспышку любви
между взрослой дамой и юным созданием,
оказавшимися на поверку Пламенами.*

Из слуги в дамки

«...Муж стал совсем невыносим. Он дошел до своего апогея придирик. Что ему не хватало? Слава едва переносил ногу за порог, вернувшись домой после работы, как на повышенных тонах начинал выражать недовольство. То не сделано, сё не доделано, ужин недосолен. Даже если предположить, что по большому счету ему требовалась забота и внимание, то, простите, как ее проявлять, когда на тебя кидаются по поводу и без? Замкнутый круг...»

Я захотела изменить свою рутинную жизнь. Я понимала, что застряла в своем быту и в своих застоявшихся отношениях с мужем. Работа, дом, претензии, придирики, кухня, огород. И все сначала. И до тошноты, до глубокого недовольства собой, до изнемогающего неудовлетворения жизнью.

И вдруг в один момент я осознала, что жизнь проходит впустую, годы моей жизни тратятся на всегда и всем недо-

вольного мужа, подчиняющего меня своими вечными обвинениями. Это так осточертело, что я дала себе право, я РАЗРЕШИЛА СЕБЕ делать то, что хочу, а не то, что скажет муж.

И я пошла на... занятия гимнастикой Славянских чаровниц. И также купила абонемент на аквааэробiku. Ранее даже помыслить о таком не смела. И мне так понравилось и то, и другое, что я мчалась на эти занятия со всех ног, вопреки недовольству мужа, который ворчал, что я куда-то уезжаю-исчезаю и ничего дома не делаю.

Сентябрь прошел в беготне, утрясании учебного расписания, а также в знакомстве с новыми студентами, с группами первого курса.

Октябрь пролетел также быстро. Требовалась корректировка рабочих программ, написание таковых для тех специальностей, каких ранее не было в нагрузке и прочая учебная работа помимо ведения уроков.

Наступил ноябрь. Опять сделаю многозначительную паузу.

В моей жизни произошло нечто, что сбilo меня с ног, что перевернуло мою жизнь, что ворвалось в мою рутину, и она превратилась в яркое, бесподобное и невероятно веселое и задорное счастье.

Ко мне должна была прийти группа четвертого курса. Ранее ее не было в нагрузке. Эта группа перешла ко мне от другого преподавателя, В. С. Пашковской. Она не справлялась с ними, студенты ее не слушались. Намучившись с ни-

ми, коллега передала группу мне. Я отказываться не стала, потому что любила четвертые курсы. Они учились с ноября по март, остальное время у них занимала практика, осенью — учебная, весной — преддипломная, и такие группы добавляли в нагрузку не существенное количество часов. Я не думала, что группа с радиоприборного отделения будет мне в тягость.

Наступил день, когда эта группа пришла на занятие.

Тут требуется рассказать предысторию.

В прошлом году это случилось. Я зашла в учительскую, когда в нее вошла Пашковская и за ней следом студент. Он расположился на стуле напротив Пашковской, и был хорошо виден мне.

— Здравствуйте, — сказал он при виде меня.

— Здравствуй, — ответила я.

В тот момент ощутила внутренний толчок и даже беспокойство своего рода. Ого! Какой студент! Странно, что вообще есть такие студенты... И почему именно Пашковской они достаются. А коллега с нарочито деловым видом, напущенным на себя для большей значимости, учительским тоном спрашивала:

— Какую тему вы хотите взять на реферат? А, может быть, вы вообще выступите с докладом?

— Да, Конечно, могу, Вероник Сергеевна. Мне даже интереснее с докладом выступить, чем написать.

— Отлично! Тогда я вас записываю в докладчики.

Вероника Сергеевна взяла ручку, с тем же самым выражением лица, словно она проделывала работу, требующую всей ее профессиональной компетентности, и, полистав блокнот, стала записывать, проговаривая вслух:

— Тимофей Бондаренко. Все, записала, — сказала преподаватель.

— К какому числу нужно подготовиться?

— Ах, к XX-му числу напишите текст выступления и приходите, посмотрим, что у вас получилось.

Назревала очередная научно-практическая конференция учащихся среди всех профессиональных образовательных учреждений, которую проводят ежегодно, и коллега набирала желающих поучаствовать в ней. Я тоже набирала, но пока никто не соглашался. Но среди моих студентов такого, как Тимофей, не встречалось.

Искося наблюдая за студентом, я чувствовала, что это очень необычный человек, что таким явно место не в колледже, а в институте, как минимум. Старательный, отличник учебы, активно выступающий на студенческих концертах, аккордеонист, страстный чтец стихов. Я его не раз видела на сцене в актовом зале, но в какой именно группе он учился, не интересовалась. Его у меня не было. Тот был единственный раз, когда я его видела так близко, более он мне не встречался, но его образ время от времени всплывал в моей голове.

Высокий, тонкий, с откинутыми назад со лба длинными кудрями черного цвета с одного взгляда он вызывал уваже-

ние. Интеллигентное, сосредоточенное на какой-то цели выражение лица, создавало впечатление целеустремленной и развитой личности.

Наступил ноябрь... Группа с радиоприборного отделения вернулась с практики и выходила на учебу с завтрашнего дня.

Прозвенел звонок на урок, и я пошла проводить первое занятие в этой группе. Приготовилась, как обычно готовлюсь к четвертым группам. Познакомиться, кратко поспрашивать о практике, полистать учебник и записать новые слова к первой теме. Вторая часть пары, как правило, посвящалась письменной деятельности, и я планировала прочитать текст общего содержания об их специальности с последующим выписыванием ключевых фраз из него. Прежде чем занимать студентов какой-либо активной деятельностью, к ним нужно присмотреться, понять, что они умеют и чему научены.

Я прошла в кабинет, прошла к своему столу. Прямо передо мной стоял Тимофей Бондаренко.

— Good morning! Sit down please, — сказала я неровным голосом.

— Good morning!

Все сели. Тимофей сидел на первой парте один и внимательно смотрел на меня, ожидая, что будет говорить учитель.

С самого первого мгновения все мое существо вошло в состояние легкого беспокойства. И его вызывала именно его

фигура. Я не могла никак настроиться на урок, его глаза постоянно притягивали мои.

Я начала опрос, студенты вяло отвечали, хихикали, подначивали друг друга. Когда очередь дошла до Тимофея, он отвечал правильно строя фразы.

— Вам пять за урок, — сказала я, обращаясь к студенту.

Это получилось автоматически, никто из класса так хорошо не отвечал, как он. Далее я пыталась вести урок по плану. Давалось с трудом. На все вопросы и все озвучиваемые мной задания Тимофеем поднимал руку, чтобы ответить. Других рук почти не наблюдалось.

Я едва дождалась окончания пары. Мне нужно было перевести дух. Отдышавшись в учительской, я облегченно подумала:

— Следующая пара только через неделю. Как хорошо!

На следующей неделе я пришла более подготовленная к уроку. Тщательно его спланировала и приготовила интересные задания. Тимофеем работал активно и поднимал руку каждый раз.

— Вам пять за урок, — сказала я.

На этот раз с ним рядом сидел Андрей Колобов, который по ходу урока обращался к Тимофеем за помощью. Это немного спасало меня. Он также выполнил все задания и получил «отлично».

Еще несколько студентов отвечали, но работали спустя рукава и без большого интереса.

Впоследствии, проведя еще несколько уроков в этой группе, я стала уходить из-за своего стола в середину класса, чтобы не наткнуться на внимательный сосредоточенный взгляд Тимофея. Он явно меня напрягал.

Но его это никак не смущало, он продолжал методично отвечать на все мои вопросы и выполнять все задания. В классе он был старостой. Всегда приходил вовремя, клал журнал мне на стол, а после урока терпеливо дожидался, когда я допишу тему или выставляю оценки и уходил последним.

Так прошло три месяца. В марте предполагалась олимпиада по английскому языку, и участвовать в ней вызвался Тимофей.

— Тимофей, к олимпиаде нужно готовиться. Если хотите, приходите после уроков, начнем заниматься.

— Хорошо, Екатерина Геннадьевна, у нас четыре пары, вы еще будете в колледже? — очень вежливо спросил студент.

— Да, у меня тоже четыре пары, приходите.

Вот с этого все и началось. Тимофей приходил после уроков, и я помогала готовиться к олимпиаде.

Ожидавшая Встречи, я отнеслась к этому случаю со всей страстностью своего женского существа.

Подготовив пособие по подготовке к олимпиадам, я клала его перед Тимофеем и указывала, какие задания необходимо сделать. Задания, вызывавшие трудности, прорешивали вместе, или я сначала объясняла соответствующие правила, а потом ученик выполнял их.

В какой-то момент пришлось подсесть рядом, чтобы удобнее было следить за выполнением заданий. Такая близость его молодого тела, его тонкого существа окатила меня с головой. Кажется, я схожу с ума...»

После очередной консультации, собирая свои вещи в сумку, я как бы невзначай спросила:

— Тимофей, как у вас с девочками?

Возникла небольшая пауза. Я поспешила ее заполнить:

— Я имею в виду, дружишь с кем-нибудь, например, из колледжа? На вас многие обращают внимание. Когда все участники олимпиады сидели в классе — они собирались для информирования о деталях олимпиады, об условиях и требованиях и для оформления в регистрационных листках — я наблюдала, как с тобой заигрывала одна студентка, умная и подобная ему активистка.

— Мне нравится общаться, — слегка смущаясь, сказал Тимофей. — Но пока особенно мне нравится одна девушка, но она не из Перми. Мы с ней переписываемся через email и смс сообщения.

— Откуда она?

— Из Новосибирска.

— Понятно. Вы виделись?

— Еще нет. Она зовет меня к себе в майские праздники.

— ... и вы собираетесь поехать к ней? — вопрос дался мне с трудом.

— Да, хотелось бы, а то два года почти переписываемся,

а не виделись. Ладно, до свидания Катерина Геннадьевна.

— До свидания, — почти мрачным голосом произнесла Я...»

Катю всецело тянуло к нему, и эта тяга возрастала с каждой новой консультацией. И никакие доводы, никакие увещевания самой себя, не работали. В ней снова, как тогда в Анапе, зажегся факел под названием «Долгожданная встреча со своим Суженым», и этот факел перекрывал и голос разума, и совести, и семейных устоев.

Кате нужна была эта встреча как воздух, как то, ради чего она родилась на Земле, ради чего преодолевала разные трудности, ради чего терпела квазимодный характер своего Славы. Поток свежего воздуха и благословенной радости трепыхался, запертый за запретами и установками, принятыми в обществе, которые были готовы рухнуть в любой момент в сознании женщины.

Но помня урок, полученный в общении с Сергеем, она изо всех сил держала дистанцию, постоянно напоминая себе о том, что между ними пятнадцать лет разницы. При этом она четко осознавала, что если совершить ошибку как когда-то с Сергеем, она навсегда — именно навсегда — потеряет шанс Встречи. Это — самый последний шанс, и это тот самый человек, с которым должна была произойти Встреча всей жизни.

Важный момент

Прошла олимпиада, Тимофей справился с ней неплохо, заняв третье место среди других участников.

Встречи-консультации вне уроков закончились, а мне хотелось продолжения. Этот мальчик притягивал своим внутренним магнитом, и я уже ни о чем не могла думать, а только об очередной встрече с ним.

— Тимофей, предлагаю вам попить чай в учительской, обсудить прошедшую олимпиаду и просто поговорить. Вы скоро уйдете на практику, и мне интересно узнать, какие у вас планы на будущее.

Поскольку Тимофей по своей природе был очень вежлив и воспитан, то на мою просьбу отреагировал с пониманием:

— Хорошо, Екатерина Геннадьевна, приду. Правда, смогу только в следующий четверг.

— Так долго, — невольно вырвалось у меня. Но тут же осадила себя и поправилась. — Конечно, как удобнее.

Мое восклицание мимо Тимофея не прошло.

— Мне дипломный проект писать надо, да и хочу куда-нибудь на подработку устроиться, хотя бы на пару часов в день или через день.

— Понятно, да можно и не объяснять было, — резюмировала я в ответ.

Мы попрощались. Назначенного четверга я ждала, как ре-

бенок ждет обещанной прогулки с мамой в парк аттракционов. Считала каждый день и предвосхищала встречу.

«О чем с ним поговорить, чтобы задержать подольше? Что может вызвать у него интерес? Чем его завлечь?» — размышляла я. И в моей голове вспыхнула мысль ярким пламенем: «Я расскажу Тимофею о своем увлечении...»

Уже в течение нескольких лет Катиным увлечением было ставить кукольные спектакли и показывать их детям. Обычно она договаривалась с детскими садами и приходила к ним накануне праздников. Работала Катя в паре с девочкой Лидой. Но она год назад уехала из города, выйдя замуж за мужчину родом из Тулы. Спектакли заморозились, а одной не хотелось этим заниматься. Катя сожалела о своих куколках, пылившихся, кстати говоря, в ее кабинете и лежавших без дела.

В кабинете стоял самодельный шкаф во всю стену до потолка. У него были внизу отделы, неудобно открывающиеся узкие, но глубокие ящики. Они были приспособлены под реквизит, прикрытые сверху рулонами ватмана и другими ненужными вещами. С Лидой они репетировали в классе, отсюда уходили на заказы и приходили сюда же.

Вибрации из пространства

«...Следует рассказать, что в последнее время меня мучили странные ощущения. Попробую описать. На мое существо, правильное сказать, организм, шло воздействие каких-то вибраций. До ломоты, до болей, но ...приятных и необъяснимых. Я не понимала, что является их причиной. Кто-то испускал эти вибрации, или они шли от кого-то в мою сторону. Мысленно перебирала разных людей, чтобы идентифицировать их.

— Кто же это? Может быть, муж?

Настроившись и прислушиваясь к ответу внутри, понимала, что не от него шли токи. Почему от него могли исходить они? Потому что я снова перенесла свое женское внимание с него на другого. И любой человек это смог бы уловить. И, чтобы вернуть внимание и интерес жены к себе муж снова стал стараться проявлять джентельменские приемы. Да, смешно. Именно так. Опять повторение пройденного. Он стал более мягким, стал задавать вопросы, которые ранее не задавал.

— Как дела на работе? Что у вас там новенького?

Что отвечать, если это временный интерес, вспыхнувший на основе моего очевидного охлаждения и погружения в свои мысли.

— Почему это тебе вдруг заинтересовало? — напрямую

спросила я.

— Давно ты ничего не рассказывала. Вот и хотелось бы узнать.

— А ты, собственно, давно и не спрашивал.

Было очевидно, что это всего лишь предлог притянуть к себе внимание. Вдруг вспыхнувшее любопытство мужа к моей работе только раздражало. Оно отвлекало и мешало воспринимать токи! Откуда они ко мне приходили?

— А вдруг Сергей? — с резко воскресшим чувством вопрошала я себя. — Так тоже вроде бы нет. Иначе он бы позвонил или написал. Нет, не он...

Так продолжалось уже более недели. Непривычная ломота появлялась на уровне либо четвертой, либо пятой чакры, похожая на то, как если бы в этом месте раскручивали колесо или шестеренку. Это приковывало внимание и не давало сосредоточиться на чем-то другом. Часть студентов уже ушли на практику, и, учитывая то, что у меня в рабочей нагрузке большей частью стояли четвертые и третьи курсы, то на поверку оказывалось, что количество рабочих часов в неделю сократилось на более, чем треть. Самый нагруженный период года завершился, и я ходила на работу уже в более расслабленном состоянии. Это и давало возможность слушать себя и испытывать те или иные чувства в более выраженном виде.

Наступил четверг. С момента назначения этой встречи прошло более недели. Я сидела в учительской. Накануне схо-

дила на маникюр, а также запаслась сладостями к чаю.

В моем корпусе стояла тишина, студенты уже все разошлись по домам, брякали только стулья, опрокидываемые на парты, и стучала швабра о пол, который убирала техничка в соседних кабинетах.

Стояла теплая погода, и хотелось свежего воздуха. Я открыла дверь в учительскую наполовину. Сидела и слушала токи, пронзающие меня в области груди. Они становились все сильнее. Что-либо делать не представлялось возможным. Они напирали на грудь, распространялись по плечам, и снова ударяли. Это было невероятным! Что-то невидимое глазу, но осязаемое производило воздействие на меня. Я откинулась на спинку своего стула и, прикрыв глаза, внимала им. Стараясь глубже дышать, отдавалась на восприятие неведомой силы, мягкой и настойчивой.

Послышались шаги в коридоре. Токи усилились. Шестеренка в груди закрутилась сильнее. Еще, еще, еще быстрее... Тимофей показался в дверях.

Зашел. Токи идентифицировались. Это был он. Токи исходили от него!

— Здравствуйте! — приятным баритоном сказал студент.

Не может быть!! Я чуть не вскричала от сделанного открытия. Так значит, это — ОН. О! Я почти застонала, но постаралась взять себя в руки.

— Здравствуй! Проходи! Сейчас налью чай.

Разговор в учительской

Наш разговор мало походил на разговор учителя и ученика. Сначала вспомнили олимпиаду, потом торжественное награждение.

— Тимофей, а ты кем хочешь стать? Ой, извините, — оборвала я себя. — Называю вас на «ты».

— Да и давно пора, — усмехнулся Тимофей.

— Летчиком всегда мечтал. Получу диплом и поеду в Ульяновское училище. Ну, или просто подам документы туда он-лайн.

— Да, сейчас можно и не ездить, а посылать скрины документов.

— Мне пора, Екатерина Геннадьевна. Хорошо поговорили, до свидания.

— Да-да, Тимофей, немного есть еще время? Я хотела рассказать о том, чем увлекаюсь и чему посвящаю свое свободное время.

— Очень интересно. Но, наверное, давайте в другой раз. Мне идти надо.

— Хорошо. Тогда приходите, когда сможете.

— Да, приду. Может быть, через недельку.

— До свидания.

— До свидания, Екатерина Геннадьевна.

Когда Тимофей удалился, я не могла долго прийти в себя.

Сердце еще стучало сильнее обычного, немного успокаиваясь. Мысли пролетали в голове с большой скоростью.

«Как так?! Да что это в самом деле? Не схожу ли я с ума? Ему семнадцать лет всего, а мне уже скоро тридцать четыре будет», — возмущалась одна часть меня.

«Никогда не было в моей жизни, чтобы так сильно чувствовать другого человека. Токи шли от него. Они меня вымучили, изнурили. И что дальше? Теперь я от него не отстану», — защищала себя другая часть. — «Такой приятный молодой человек. И, главное, такой магнит, от него невозможно оторваться».

Я собралась и ушла домой.

Можно и не говорить о том, что всю последующую неделю я только о нем и думала, только и мечтала снова его увидеть.

Наступил четверг. Я прихорошилась, приделась, гуще накрасила ресницы. Переусердствовать никак нельзя было, чтобы не подумал, что как будто специально для него так стараюсь. Не хотелось спугнуть!!

Сердце учащенно колотилось в груди. Тимофей пришел без опозданий. Красивый, высокий, худоват, правда.

Мы поздоровались.

— Тебе налить чаю? — спросила я как бы невзначай.

— Не откажусь.

Я выложила рулетики с курагой, заварное пирожное на тарелочку. Наполнила кипятком чашку с вылепленной на ней фигурой дракона оранжевого цвета.

— Вкусно выглядит, — сказал Тимофей.

— Да, как же без выпечки, чай пьем почти каждую перемену.

— Вы хотели рассказать о своем увлечении.

— Да, если интересно.

— Конечно! Так чем вы занимаетесь в свободное время?

— Несколько лет я показывала кукольные спектакли в детских садах, — начала я.

— Правда? Не подумал бы никогда!

— Сейчас не показываю больше.

— А что случилось?

— Девочка, с которой мы несколько лет ходили по садам, вышла замуж в другой город. Я осталась без партнерши. Попробовала одна показывать, не пошло. И сумки тяжело таскать, и настроение не то уже. Одной и репетировать скучно.

— Понятно. А вы не искали другую партнершу?

— Искала недолго. Но все оказывались неподходящими или им самим эта деятельность не подошла по разным причинам. Я помню, как искала первую партнершу.

— Как ее зовут?

— Лидочка Крамцова.

— Интересное имя, — с улыбкой сказал Тимофей.

Он слушал внимательно и попивал чай из чашечки.

— Ты добавляй чаю, сахар накладывай, — подбадривала я его.

— Спасибо.

— Так вот. Дала я объявление в местной газете... Тогда еще соцсетей не было и всяких личных страниц, — поспешила я добавить, чтобы опередить возможный вопрос. — Приходили разные люди, девушки и парни. Остались несколько. Попробовала с одной, но некоторое время спустя она отказалась помогать мне. Попробовала с другой, она вскоре забеременела.

— А остальные что?

— Люди в основном за доходом пришли, а тут деньги то небольшие. Интерес нужен, желание с детьми работать, репетировать, готовить сказочку.

— А вы знаете, мне даже интересно стало. А можете показать свои куклы? — зажегся вдруг Тимофей.

— Вы серьезно? — почему-то снова перешла на «вы». Хотя мы договаривались, что с ним буду на «ты». Он мне сказал как-то на консультации об этом: «Вы со мной занимаетесь, время посвящаете, и еще на „вы“ говорите. Мне будет лучше, если на „ты“».

— Хоорошоо, — немного растягивая гласные, сказала я. — Пошли тогда в кабинет. Игрушки у меня там.

Мы прошли в кабинет. Я достала из пары ящичков свои куклы, разложила на столе.

— Ух ты! Какие милые! — восхитился Тимофей. — Можно? — спросил он, показывая на них.

— Конечно, потрогай, посмотри.

— Таких не найти в магазине.

— Верно. Я не покупаю в больших магазинах. Иду в маленькие магазинчики или отделы, где и ищу кукол. А также заказываю мастерам.

— Я бы ...пожалуй, попробовал показать сказку. Как вы думаете, Екатерина Геннадьевна, у меня получится?

Я пристально взглянула на собеседника и с некоторой долей недоверия в голосе ответила:

— Получится. А вообще надо попробовать.

— А какую сказку начнем репетировать? Чья она?

— Я показываю спектакли, поставленные только на свои сказки.

— Вы сказки пишете сами? — удивился в который раз Тимофей.

— Да. По чужим сказкам не хочется спектакли ставить. Тут ведь главное — интерес. К своей сказке и игрушки интересно подбирать, и реквизит делать, ну, и детям показывать.

— И как называется Ваша сказка?

— Она называется «Как Настенька к бабушке ходила». Такая деревенская сказочка о девочке, которая решила отнести пирожки бабушке, а бабушка живет в другой деревне. По дороге с девочкой происходят разные приключения. Она учится быть щедрой, и мир ей отвечает тем же.

— Вы меня сегодня очень удивили, Екатерина Геннадьевна.

— Вот и хорошо, — улыбнулась я. — Буду рада встрече. Когда будем репетировать?

Я предложила встретиться в понедельник, чтоб не откладывать надолго.

— Екатерина Геннадьевна, мне надо уехать на неделю, — замялся Тимофей.

— А... куда вы едете?

— В Новосибирск, я уже говорил вам.

— И как тогда насчет репетиции? — глухим голосом отзывалась я.

— Когда приеду, я к вам зайду и договоримся. Мне интересно попробовать сказку показать.

— Хорошо. Ну, тогда счастливого пути!

— Спасибо, Екатерина Геннадьевна!

Мы распрощались и обменялись телефонами, чтобы по возвращению Тимофея из поездки встретиться.

Почему я люблю

Правда, **суть** моей любви к нему в чем?

Легко и разумно объясняется все.

Но прежде задам я все же глупый вопрос.

Зачем это случилось со мной?..

Никогда раньше в жизни моей не случалось такого.

Не довелось мне узнать таких отношений,

Я никогда не знала такого обращения с собой,

С каким он обращается с теми, кто рядом.

И от этого щемящее чувство в душе возникает моей.

Мне больно. Больно реально. Я плачу.
Но я понимаю, что когда-то и я была молодой.
Тогда я любила, как умела, как хотела,
Как понимала, что такое любовь.
Но таких отношений я не встречала,
Не дано было по карме моей.
И теперь словно в зеркале
Я наблюдаю их очень близко,
Но прикоснуться к ним не могу.
И неизвестно, что хуже:
Либо не иметь их совсем, либо просто смотреть,
Понимая, не для тебя они, дорогая.
Ничего, спокойно это переживу.
Но никак не пойму, зачем же так тесно с ним я общаюсь?
Чтобы все ж лицезреть красавца, которым восхищаюсь?
Чтобы немного и мне тех отношений перепало?
Возможно, и то и другое было в самом начале.
Но истина, однако, посередине.
Я слышу его чистоту и вижу его устремления кверху.
К полету стремится душа, к красоте и любви.
С душою контакт помочь ему хотела б я обрести.
А после, я, пожалуй, уйду... И он тоже уедет.
И от этого еще только горше.
А, может, так лучше.
Я не жду утешений, не жду обещаний.
Я знаю, что в жизни все имеет начало
И окончание. Кроме настоящей любви.
Любви к миру, к тем, кто вокруг.
Возможно, в чем-то я ошибаюсь,

Возможно, напрасно грущу.
Но я понимаю, что только самые высокие
Качества личности и души
Смогут помочь все одолеть.
Ради них каждый на свете живет,
Чтобы уметь только их проявлять.
Все остальное не имеет большого значения.
Я погрущу, потом помолчу.
И заново дальше по жизни пойду.

Девушка Тимофея. Сон

Когда он ушел, мне стало очень грустно. Грустно и ...хоть волком вой. Что я могла поделать? Он молодой, красивый, а я — почти сорокалетняя преподавательница в очках, показывающая сказки. Но внутри у меня стал подниматься такой протест, что я сказала себе: «Буду бороться за него».

И каждый день в свою ежедневную молитву я добавляла фразу о Тимофее.

— Боженька, если Тебе угодно, сделай так, чтобы он вернулся ко мне, и отведи эту девушку в Новосибирске от него. Я всю жизнь свою ждала встречу с ним, а эта девушка пусть найдет другого.

После трех дней страстной молитвы мне приснился сон.

Я стояла на обочине хорошо асфальтированной дороги, вероятно, трассы. На ней была нанесена белая прерывистая линия посередине (в терминах правил дорожного движения «Обгон разрешен») и, немного извиваясь змейкой, она шла вниз и где-то внизу сворачивала направо.

Мимо меня проплывала (не шла, а именно проплывала, лежа на спине) Вита. За ней плыл Тимофей. Вдруг, достигнув меня, он оказался рядом со мной. А Вита поплыла дальше. Она оглянулась и прокричала:

— Тимофей, ты куда?

— Плыви дальше одна, нам не по пути.

— Как же так?

Вита не могла остановить свое движение, хотя и делала попытки. Дорога несла ее вперед.

А Тимофей повернулся ко мне и сказал:

— Я тебя люблю.

Сказал четко и громко. Сон закончился. Проснувшись, я вспомнила видение и ...успокоилась.

Любовь к тебе

Господь вложил в мое сердце такую любовь,
Что сначала я словно с обрыва нырнула вниз головой.
Вынырнув вверх, оказалось, я все же тону,
И поняла, что пора взлетать в вышину.

Отчаянно, мощно руками гребя,
Я, наконец, от воды оторваться смогла.
А тут-то и трудность. Чем выше идешь,
Тем более безусловной моя становилась любовь.

Я просьбу тебе пыталась сказать,
Но Любовь ее принимала с грустью в глазах.
И я умирала желанья свои,
Чтоб Она парила легко в вышине.

Я дома три дня лежала плашмя,
Интереса не зная к тому, что окружало меня.
Чтоб оторваться от земли-от воды,
Пришлось создавать притяженья разрыв...

Друзьям твоим не хочу больше делать учет.
Перед Высшим Законом несу за то я ответ.
Можешь влюбляться в того, к кому подведет.
На дороге твоей меня больше нет...

В этом нет грусти, (но в душе она ЕСТЬ).
И хотя это я подсказала, где живет наш Господь,
Все ж я за тобою иду, а не ты за мной, вслед.
«Вот как бывает», — спел бы известный поэт.
Удивительно, но именно так иногда... наступает...
Рассвет.

Первоначало сближения

Тимофей написал в смс «Здравствуйте. Я приехал. Когда можно прийти?»

Я ответила: «Здравствуй, очень рада. Напиши мне в ВК, я вышлю текст сказки». Потом подумала и послала вторую смс: «Готов репетировать?»

В ответном смс стояло: «Да». Мы договорились о встрече в короткой переписке.

В назначенное время Тимофей пришел в учительскую. Традиционный чай ждал его.

— Как ты съездил? Понравилась девушка? — спросила я с замиранием сердца.

— Вы знаете, Екатерина Геннадьевна, в целом я хорошо съездил, посмотрел Сибирь, погулял по городу, где я никогда не был.

— Как-то невесело ты это говоришь. Девушка понравилась? — повторила я свой вопрос.

— Сначала все шло хорошо. Я приехал, уже темно было. Вита меня встретила, мы уехали на квартиру, которую она сняла для меня. Там она оставила меня и сказала, чтобы я отдыхал, а она заедет завтра.

— Какая молодец!

Тимофей взглянул на меня и продолжил:

— На следующий день мы пошли гулять по городу. И со

мною происходили очень странные вещи. Тимофей опять на меня посмотрел.

— Какие вещи?

— Я все время попадал в какую-то паутину.

— Откуда она бралась?

— Прямо на улице, когда мы шли по тротуару или по дороге вдруг мое лицо попадало в паутину. Ей даже закрепить-ся негде было. Ни дерева поблизости, ни строения. И так повторялось несколько раз!!

— Удивительно, правда, — подтвердила я.

Но в душе удивлялась совсем другому, тому, как Бог показывал Тимофею, что та далекая Вита совсем не подходит ему, что она для него сторонний, случайный человек, с которым он вел переписку. Так бывает в молодости.

Тут мне следует признаться, что я не только поминала Тимофея в молитве. В течение дня несколько раз с сильной страстью я обращалась за помощью к своим предкам и просила все расставить по своим местам: «Дорогие мои пращурь, если эта Вита не должна быть с Тимофеем по судьбе, то пусть как можно быстрее прекратятся их отношения, и Бог отведет ее от него».

Тимофей замолчал.

— А что дальше? — подбодрила я его вопросом.

— А дальше все покатило куда-то. Неожиданно Вита изменила ко мне свое отношение. Вдруг стала грубой и ...вообще оставила меня одного в квартире. Сказала мне: «Уез-

жай». А как уезжать, если у меня билет куплен на обратную дорогу только через три дня. Я извинялся перед ней, хотя не знал, что не так.

— Возможно, ты ей не понравился, — решила предположить я.

— Но мы же переписывались довольно долго, целый год. Я ей деньги не раз высылал — она просила, — на больную кошку. Она носила ее ветеринару, а это очень дорого.

Я видела, парень расстроен и опечален. И главное, он не понимал, что сделал такого, за что его отправили домой...

Видимо, девушка ждала решительных действий от Тимофея. Она же сняла квартиру. А он... приехал присмотреться, познакомиться, и в его планы не входило сближаться с ней физически.

Катя, несомненно, вознесла благодарность Всевышнему за такой ход событий. И она не решила рассказать о своем сне.

Творческие встречи

После чая мы прошли в кабинет.

— А что за сказка? Чья она?

— Я показываю спектакли, поставленные только на свои сказки.

— Вы сказки пишете сами? — удивился в который раз Тимофей.

— Да. По чужим сказкам не хочется спектакли ставить. Тут ведь главное — интерес. К своей сказке и игрушки интересно подбирать, и реквизит делать, ну, и детям показывать.

— И как называется Ваша сказка?

— Она называется «Как Настенька к бабушке ходила». Такая деревенская сказочка о девочке, которая решила отнести пирожки бабушке, а бабушка живет в другой деревне. По дороге с девочкой происходят разные приключения. Она учится быть щедрой, и мир ей отвечает тем же.

— Вы меня сегодня очень удивили, Екатерина Геннадьевна.

— Вот и хорошо, — улыбнулась я. — Буду рада встрече. Когда будем репетировать?

— А давайте завтра, если можете.

— Завтра пятница... Первая репетиция будем ознакомительной, — стала я рассуждать вслух. — Приходите.

Так и началось наше творческое общение. Тимофей при-

ходил после уроков. Мы раскладывали куклы, реквизит. Репетировали, смеялись, шутили.

Пили чай после и разговаривали. Затем я шла на электричку, а Тимофей провожал меня. Мы все больше сближались...

И как мне хотелось к нему прикоснуться, хоть рукой его погладить, голову прижать к себе. А губы, так манили губы... Поцеловать разок бы... Но знала, это покарается жестоко (последствиями могут оказаться наши отношения сломанными и разрушенными) и ...крепилась, изнывая, к нему не прикасалась, только мысленно, эфирными руками касалась его рук, лица, волос. Тактильные ощущения порой спасительными бывают. В них нуждается дитя и каждое живое существо.

Глава 2. ПОГРУЖЕНИЕ

Признание на коленях

Я потеряла голову и одновременно превратилась из подчиняющейся, все терпящей слуги в изящную, порхающую красивую и даже прелестную бабочку! Я влюбилась. И не просто влюбилась, я встретила свою настоящую Любовь, свое Пламя или, по меньшей мере, родственную душу. И эта душа воплотилась в таком веселом и милом существе, что все мое уныние исчезло в один миг. Только одно его лицо приводило меня в состояние радости и безмятежности. Весь его образ вызывал чувство безоговорочного принятия и эстетического наслаждения. Его веселые вихры, взлетавшие при малейшем движении головы, затрагивали во мне очень давнее воспоминание, относившееся к отпечаткам далекого прошлого, прошлого, уходящего в века. Вся косматая шевелюра моего нового знакомого, окружавшая ореолом его лицо, отзывалось щемящим чувством давнего знакомства и родственностью друг друга.

Как такое возможно

Никогда бы не подумала, что может так случиться.
Наверно, я это напросила... Это легкое помешательство.
Душа взлетает куда-то, где она никогда не бывала.
Наверное, об этом я когда-то мечтала...
Моя любовь превратилась в птицу.
В птицу певчую, в птицу горнюю.
Ничего не хочу я взамен, никаких условий не ставлю.
Мне бы знать, что он есть, и миру несет свое чистое
сердце,
Пусть стихи его громко звучат, пусть его слышит
Вселенная.
Я не предполагала, что это возможно.
И не представляла, что на такое способна.
Так любить, как сейчас... как его я люблю.
Боюсь в пространство запускать свои мысли.
Прошу Бога разрешить мне такую любовь,
Она непорочна, и тихой льется рекой.
От такой любви рождаются счастливые дети.
Прошу мужа меня простить, мое сердце
Уже не бьется с ним сейчас в унисон.
Но он сам допустил такой мой уход,
Когда дал моей любви к нему отворот-поворот...
Но вернемся. Можно ли так любить? —
Встречаться в учительской тайно.
Пить чай в кафе за углом.
В кино народ вводить в заблуждение,
Как ни смотри, но на сына и маму мы не очень похожи.
А на влюбленных — непозволительно по нашим годам.
Если приглядеться, то мы — невероятная все-таки пара.

И чем дальше я его знаю, тем выше взлетаю,
Тем больше ценю любое мгновение, когда он со мной
рядом.

Его взгляд мне кажется даром, звучание его голоса —
музыкой с звезд.

Бог, я знаю, не наказывает за любовь.

Любовь — это есть то, чем мы должны жить,

Во что должны верить и превыше всего

Что должны беречь и ценить.

Она очень сильная и очень ранимая.

Любовь — это путь в Небеса, откуда ее тянется нить.

Мы писали смс по вечерам, длинные, красивые, отправляли письма по почте, отвечали на них. Оба понимали, что нашли друг друга, но не знали, как быть дальше, одновременно осознавая, что друг без друга нам не жить.

Мы проговорили об этом на одном из чаепитий в учительской. И как только мы закончили, я, метнувшись со стула, встала перед ним на колени, обняв его ноги.

— Прости, прости, прости, — зарыдала я.

Он съехал со стула и, в свою очередь, также встал на колени.

— Ты прости. Я виноват.

Нам вспомнилось, что однажды в каком-то воплощении мы расстались из-за гордыни и предвзятости, не сумев сохранить свою семью. Впоследствии очень долго, не одну жизнь искали встречи друг с другом.

— Прости, — твердила я, кладя голову на свои руки, лежавшие на его коленях. Я должна была непременно услышать в ответ прощение.

— Я прощаю, — сказал мягко он. — И ты меня прости.

— Конечно, прощаю. Главное, наконец-то я тебя встретила...

Как я воспринимаю тебя на самом деле

Никогда бы не подумала, что такое возможно в моей жизни.

Влюбиться... Влюбиться, будучи замужем. Влюбиться в совсем юного парнишку. Что это?

Вы думаете, я знаю? Нет. Я не знаю. Я не только не знаю, я просто порой ловлю себя на мысли, что существую в иной реальности, в реальности сюрреализма. Как я оказалась в этой реальности? Я так хотела сама.

В этой реальности возможно всё. В ней можно любить кого угодно в каком угодно возрасте. Это состояние близко легкому сумасшествию. Но оно чудесно! Оно настолько восхитительно, что невозможно выйти из него, невозможно сказать себе «нет!».

Мир чувств такой богатый на все мыслимые и немыслимые проявления чувств. Сюрреализм волен развиваться в любую сторону без ограничения. Хотя, следует оговориться, в любую светлую сторону. Я стараюсь дарить **ему** только самые светлые чувства. Если мои чувства вдруг на мгновение допускают крен, я ощущаю, как словно мне в лицо брызжут холодной водой, чтобы я остановилась и убрала крен.

Вот одна из картин моего сюрреалистического мира чувств, в котором я пребываю.

Он стоит передо мной. От него исходит теплота. Это тепло его тела и всего его существа. Он стоит передо мной так, как если бы молодой оленёнок подошел к Человеку-охотнику, протянувшему ему на руке какое-то яство. Человек может в любой миг нанести смертельный удар по животному. Но он не сделает этого. Уже не сделает этого. Он не сможет сделать это ни при каких условиях в мире. При виде благородного животного у Человека внутри что-то ёкнуло. Он услышал чистейшие энергии доверия, исходящие от оленёнка. Он залюбовался этим доверчивым животным, и даже затаил дыхание от той красоты, которая сейчас стоит перед ним.

— Это невозможно, — прошептал Человек. — Я никогда не видел ничего подобного.

Человек присел на колени перед животным. Теперь он, охотник, был в плену у лесного красавца, а не наоборот. Он-то думал:

— А-га, сумел выманить оленя из тайги.

Он гордился собой, когда увидел олененка, выступающего из леса и бегущего к нему. Но всё изменилось. И теперь он, великий охотник, готов сделать для этого невинного существа все, что тому будет необходимо.

Охотник не знал, что с ним произошло. Но одно он понимал с большой ясностью: он больше не охотник. В один миг Человек стал другим. Желание убивать животных у него пропало навсегда. Отразившись в бездонных глазах мирного

животного, оно растворилось в них безвозвратно. Человек не мог понять, как он вообще был способен на это...

Бывший охотник стоял и оглядывался по сторонам. Что это? Где он так долго пропадал? В каких тенетах ума пребывал он столь долгое время?

И в сердце у Человека случилось что-то невообразимое. Оно сжалось от боли, от боли за себя, за неверные мысли, которым он отдавался во власть. Человеку стало стыдно от того, что идеалы, которым он служил столь верно и безукоризненно, в одно мгновение превратились в прах.

— Ты не представляешь, как многое я хочу тебе рассказать о своей глупой жизни, — обратился бывший охотник к олененку. — Ты должен меня выслушать. **Иначе я не смогу дальше жить.**

В это время оленёнок щипал траву под ногами у охотника. При звуке голоса оленёнок поднял голову, подошел ближе к Человеку и положил свою мордочку к нему на колени. Он был готов слушать...

Бог, как Ты мог создать такого, как он?

Его не любить разве можно?..

Его поля — сладчайший нектар,

Его улыбка Очарованья милей.

Он и не мальчик совсем, он высокий Тюльпан.

Но сорвать его я не смею...

«Я люблю тебя, я очень люблю», —

Услышала вдруг я под луной.

Умиротворение в мое сердце сошло, о Боже!

Я ж у Бога прощения молю за эту любовь,

И еще больше молю разрешения.

Вот уж год как прошел...

Обмен «сердцами»

Время шло, и я понимала, что нужно было определяться, либо мы сближаемся и становимся парой, либо расходимся. В течение года я не заводила разговоры на эту тему, не желая как-либо, с одной стороны, ускорять процесс созревания наших отношений, не желая воздействовать на человека, с другой стороны, помня предыдущий урок, что любой намек на сближение может привести к разлому и разрыву.

В случае с Тимофеем, мальчику, воспитанному в понятиях высокой чести и достоинства во всех смыслах, малейшее навязывание интима может сработать как сигнал, который отпугнет его от меня бесповоротно.

Мой муж, находившийся дома по болезни, конечно, чувствовал мое охлаждение и даже противление не только каким-либо ласкам, но и даже простому обниманию.

Но он, сосредоточенный более на выздоровлении, объяснял мою перемену к нему как к мужчине, своим нездоровьем, неспособным на прежнее проявление чувств.

И тут произошло событие, которого не назовешь тривиальным, а напротив, необыкновенным и непредсказуемым.

В тот день мы, как обычно, прогуливались по ближайшим к моей работе улицам — тихому и красивому кварталу старинной части города — как Тимофей останавливается и говорит заговорщицким тоном:

— А хочешь, Катя, я кое-что тебе покажу?

— Конечно же, хочу, — ответила я, затормозив свое движение.

Молодой человек снял свой рюкзак, зачем-то оглянулся по сторонам и достал пакет, из которого извлек небольшую картонную коробку.

Что могло бы меня удивить, видевшей разные творческие работы Тимофея? Он ранее показывал мне дощечки с выжженными на них рисунками, — у него неплохо получалось выжигать. А что на этот раз?

Там явно не могло лежать кольцо или что-то подобное, но весь его вид и даже слегка торжественный настрой заинтриговало меня. Открывая коробку, Тимофей смотрел на меня, желая уловить малейшие эмоции, могущие возникнуть на моем лице.

В коробке лежало... сердце. Небольшое, размером с ладонь, грациозно вырезанное, вышитое разноцветными нитками: красной каймой по краю, а затем розовыми, синими, фиолетовыми.

Тимофей бережно достал его и протянул мне:

— Это тебе, — сказал он с трепетностью в голосе.

В первые секунды я была ошарашена и почти потеряла дар речи.

Мальчик протягивал мне Сердце, свое сердце.

Красивее и романтичнее признание в любви придумать нельзя, по моему мнению и оценке.

— Сердце... — сказала я сдавленным голосом, и, не успев договорить, Тимофей опередил.

— Тебе не нравится? — испугался он.

Я понимала, что сейчас происходит самый, что ни на есть, магический ритуал, значение которого молодой человек по своему незнанию недооценивал. Принять, означает, приковать друг друга цепью, пусть и добровольной.

Сердце, яркое, пышущее молодостью и ликованием жизни, буквально билось в его руках.

Тук-тук, тук-тук...

С изящными овальными очертаниями оно лежало открытым на его ладони и могло стать моим в следующую секунду. Я колебалась.

— Ты знаешь, дарить свое сердце означает очень многое. И это очень серьезный жест, который может связать тебя со мной. Ты уверен в этом? — переспросила я недоверчиво.

— Возьми, — мягко, но настойчиво после минутного сомнения произнес Тимофей уже без прежнего пафоса в голосе.

— Я возьму, но обратного пути не будет, — снова пыталась я образумить молодую и, вполне очевидно, необдуманную прыть. — Ты хорошо подумал? — еще раз задала я вопрос.

— Мы делали это на уроках творчества давно, и я положил его в тетради, чтобы сохранить. И вот на днях вспомнил о нем.

Сердце оказалось на моей ладони. Оно было почти горячим. У меня запылали щеки.

— Ладно, а завтра я тоже принесу тебе сердце. Какое тебе: деревянное, фарфоровое или железное или каменное? У меня небольшая коллекция.

— А ты можешь принести все, я выберу? — поинтересовался Тимофей.

— Да, так будет даже любопытнее, — подвела я итог нашей беседе.

На следующий день мы вновь пошли той же дорогой. Погода стояла хорошая, теплая и солнечная, по-настоящему летняя, хотя уже шел сентябрь. Я остановилась на том же месте, что и вчера.

— Смотри, — сказала я и достала черный бархатный мешочек, стянутый у основания крепкой шелковой нитью.

Я высыпала сердечки разной формы и, сделанные из разного материала, на ладонь молодого человека.

Деревянное было вытянутым с небольшим отверстием между лепестками-сердечиями. Фарфоровое и железное сердечки представляли собой кулоны, округлые, выпуклые. Каменное сердце имело почти правильную форму, и само просилось в руки. Тимофей выбрал его.

— Вот это возьму.

— Хорошо, — приняла я выбор своего молодого друга.
— Бери.

Оставшиеся сердечки я сложила обратно в мешочек и

убрала его в сумку.

— А теперь пойдём на мост? — вдруг предложила я.

Тимофей как-то странно посмотрел на меня, уловив в моём тоне какие-то новые нотки.

— Пойдём, я давно хотел побывать на нём.

Признание на мосту

Открытая дверь

Любовь ко мне Мальчика — облака,
Они белоснежны, парящие, игристые.
Ладонями их хочется взять, поддержать,
Лицо в них окунуть — они очень пушистые.

О, что же это? Я вижу в стене открылся проем.
Или зренья обман или тускло вокруг?
Двери открыты в створку одну,
Я рядом стою. И не спешу, трепещу...
«Вход свободен, иди!» — слышу голос внутри.
Как это странно! Вдруг нет противления, нет монолита.
Мне не понятно и даже кажется, что это — открытка.
Время покажет, дверь приоткрылась на миг,
Или открылась она навсегда?..

Старый железный мост был переброшен через неширокое русло речки, на самом дне которой протекал тонкий ручеек. Урбанизация делала свое недоброе дело, и река постепенно высыхала.

Этот мост разделял центральную часть города от завод-

ского района. С нашей стороны моста ютился маленький кварталчик старых деревянных построек. Во дворах виднелась деревенская утварь, как то, коромысло, ведра, санки, и в одном из домов, самом ближнем к мосту — даже повозка, в которую запрягали пони. На той стороне моста возвышались две высотки, совсем недавно возведенные. Люди уже заселялись в них, и то тут, то там в окнах ближней многоэтажки виднелись какие-либо вещи или шторы.

Новоселы еще не обнаружили этот переход, и мы стояли на нем почти одни, за исключением редких прохожих. Никто не мельтешил, и мы могли спокойно настроиться друг на друга.

Наступил тот самый момент, который назревал уже несколько дней.

— Тимофей, — начала я медленно. — Мне нужно твоё решение. Скажи, дальше мы вместе или будем просто друзьями?

— В каком смысле, Катечка? — попытался уйти от ответа он.

— Или мы с тобой встречаемся как мужчина и женщина, или попрощаемся прямо сейчас. С такой неопределённостью, как у нас, пора заканчивать. Нужна ясность, какие у нас отношения, — сказала я с внутренним волнением.

Мне пришлось сказать эти слова, иначе мне трудно было жить, дышать. Постоянно приходилось скрывать от мужа свои задержки на работе, отговариваясь подготовкой сказок.

А лето прошло просто в ожидании сентября и новых встреч. Это ожидание вымотало меня, ибо было неясно, как дальше будут строиться наши отношения.

— Ты имеешь в виду, что нам надо... — Тимофей замолк на минуту, подбирая слова.

Я молчала, ждала его формулировки.

— ...провести ночь вместе? — закончил свою мысль Тимофей.

— Конечно. А как же иначе? Или мы с тобой просто дружим, и ты изредка приходишь на чай в учительскую или сходимся как взрослые люди.

Мы стояли друг против друга. Молодой человек молчал. Он стал разглядывать окрестности: обвел глазами вокруг, посмотрел на небо.

Его нерешительность начинала раздражать. Подождав, пока пройдет человек, я набрала воздух в легкие и почти закричала:

— Ты готов стать моим мужчиной или нет?

В этот момент Тимофей был готов испариться, только бы не отвечать на вопрос. Это читалось во всем его облике. Тело было полу повернуто от меня, сам он вытянулся в струнку, и если б я сказала: «беги», он, наверное, побежал бы прочь. Я спросила вновь:

— Так, да или нет?

Он молчал.

— Мы сейчас расстанемся, и все, наши встречи, прогул-

ки закончатся. Я уйду, — проговорила я, чуть не плача. — Просто скажи, да... или нет, — я снова повысила голос.

— Наверное... скорее... да, чем нет, — мямлил парень.

— Я не поняла ответа, — настаивала я.

— Да, — сказал он тихо.

— Громче! — потребовала я.

— Да-а! — более зычно сказал Тимофей.

И тут прямо перед нами в воздухе пошла рябь. Воздух превратился в воду. Вибрация от звука пробежала вперед, создавая воздушные волны. Пространство над мостом на уровне перил передернулось, волны выпрямились и, все пропало.

— Ты видел? — спросила я.

— Видел, — оторопело ответил Тима. — Что это?

— Пространство приняло наш ответ.

— Катя, можно тебя поцеловать? — вдруг проявил себя он.

— Конечно, можно, — отозвалась я. — Нужно, — добавила я.

Тимофей потянулся ко мне губами. Поцелуй оказался робким и от того немного смазанный.

Позже, анализируя, что же произошло в небе над мостом, я поняла, что до выражения своего согласия на наше с Тимофеем соединение через произнесение слова «да» мы находились еще на разных линиях жизни. А воздушная рябь — раздвинула, размыва границы наших линий, волны — со-

здали новую пространственную линию для нас с Тимофеем и приняло нас в себя, и мы очутились вдвоем на одной вновь созданной линии жизни. Она была создана для нас нами самими и, конечно, с помощью милости Бога.

Остаться или уехать

После эпизода на мосту мы перешли на «ты» и в мою сторону. Это произошло легко и без усилий. Тимофей быстро согласился, когда я ему это предложила. Ни о каких-либо отношениях речи не велось.

Подкрался июль, когда нужно было подавать документы в летное училище.

Мы сидели на лавочке в центральном парке и рассуждали, можно ли зарабатывать на кукольных спектаклях и как можно раскрутить их, чтобы они приносили доход. И мы так дообсуждали, что у нас написалась приличная цифра в блокноте, которая нам обоим очень понравилась. Мы посмотрели друг на друга...

— Я могу и не ездить в Ульяновск, — вдруг выпалили Тимофей.

— Да ты что! Даже не думай! Это же твоя мечта — стать пилотом!

— Да, я очень люблю небо. Так бы и взлетел, прямо сейчас, — мечтательно проговорил он.

— Вот и поступай давай.

— А как же...

Он осекся на полуслове. Я поняла, что он имел в виду: «А как же мы?»

— Не знаю. Я очень привязалась к тебе. И мне очень тя-

жело будет, если ты уедешь. Но я же замужем. И у нас такая разница...

— Что ты, Женя, какой возраст, ты так молодо выглядишь, — тут уж мне Тимофей не дал договорить.

Разговор приобретал иное направление. Нам необходимо было решить, пойдём ли мы дальше вместе или расстанемся.

— Это сейчас я так выгляжу, а пройдет пять лет или больше, как буду выглядеть, явно уже по-другому.

— Не надо думать об этом. Нам хорошо сейчас, и, значит, и потом будет неважно, есть у тебя морщины или нет, — совсем откровенно закончил мой партнер по сказкам убеждать меня.

— Пора уже идти на электричку. А то уже поздно. Меня потеряют.

— Встретимся завтра?

— Обязательно. И реши вопрос правильно, куда ехать учиться, — сказала я, акцентируя на слове «ехать».

Это была тяжелая ночь. Я очень переживала по поводу выбора Тимофея. Внутри, где-то очень глубоко, не хотелось его отпускать от себя. Но с другой стороны, решался вопрос всей последующей жизни человека, при том талантливого и веселого. «Если он уедет в Ульяновск, то я буду приезжать к нему, или вообще перееду туда. Разведусь с мужем. Давно пора», — думала я.

На следующий день, когда мы встретились, Тимофей сказал многозначительно:

— Все, я решил.

— Что ты решил? — с опаской спросила я.

— Остаюсь!

Я обмерла.

— А мама что говорит? А папа?

— Мама хотела бы, чтобы я поступал в Ульяновск, а папа предлагает учиться здесь, на строительном факультете.

Я чувствовала явный перекося в его решении. Я не желала стать причиной, по которой Тимофей сменил бы жизненный путь. Пилотирование было его призванием, это читалось во всем его облике. Я осознавала вполне, чем чревато изменение вектора своего движения.

Сделала попытку его разубедить:

— Но строительное дело тебя мало интересует.

— Отчего же? Я планирую построить свой дом в будущем, и если пойду учиться, то смогу узнать о строительстве.

Я покачала головой. Но выбор Тимофея отменить не могла.

Глава 3. В ПЕРВЫЙ РАЗ

В детском саду наедине

Наш конфетно-букетный период длился почти год. Все это время ходили на концерты, на литературные встречи, заглядывали на выставки. Никто из нас двоих даже заикнуться не смел о большем — о сближении.

Впереди нас ждала разлука на два летних месяца. В колледж не придешь ведь чай пить со студентом, — единственное место, где мы могли остаться одни на час-два после работы-учебы, поэтому нужно было что-то предпринять, чтоб увидиться и побыть наедине. Чтобы хоть как-то сбавить напряжение, которое изнуряло меня, выстроила я целый план, стратегически выверенный и тщательно продуманный.

В один детский сад я ходила со сказками по два раза. Да-да, одну и ту же сказку показывала два раза, так просила меня воспитатель. Она считала, что с первого раза ребенок понять еще не может ничего, он лишь игрушки увидит, движение их на сцене-столе, а понимание происходящего придет лишь во второй раз.

Неудивительно, что с ней я виделась чаще, чем с другими воспитателями. Сад свой она держала в квартире в одном из

пятиэтажных домов в центре города. А летом сад прекращал свою работу.

Я попросила у нее разрешения провести якобы встречу-собрание группы людей, увлеченных познанием необычных явлений в жизни и ищущих место для медитации.

— Мы проведем медитацию, попьем чай и все. Понятно, что за проведение мероприятия мы вам заплатим.

Она долго выпрашивала, сколько будет людей, что за люди.

— Все мои хорошие знакомые, занимаются эзотерикой. Мы пока не можем найти место, где встречаться, а у вас удобно, добираться можно с любой стороны.

— У нас в детском саду очень чисто, полы моются каждый день.

— После встречи я все вымою все, не переживайте.

И она согласилась. Договорились на две тысячи рублей за три часа. В те годы это немаленькая оплата была. Согласовали, где взять ключи. Они будут у консьержа, который обслуживал несколько домов, объединившихся одним забором, туда их и отдать.

Своим планом я жила последние две недели. Все организовав, сказала Тимофею:

— Приглашаю в детский сад. Недалеко от твоего дома. Посидим там, поговорим, обсудим, что летом будем делать, вкусняшки с чаем поедим. Неплохое место, я там сказки показываю.

Тимофей легко согласился, особенно ему понравилось мое предложение обсуждение планов на лето. Кратко я рассказала условия, предъявляемых к месту, чтобы человек был заранее готов к ним.

Наступил день, на который я возлагала много чисто женских надежд.

В долгожданный день Тимофей и я переступили порог детского садика. Сперва осмотрелись, кругом порядок, игрушки разложены на полках и в коробках на полу. Все кровати аккуратно заправлены, на кухне посуда вся помыта и убрана. Чистотой и уютом дышало из каждого угла и уголочка.

Я очень рассчитывала посмотреть с Тимофеем хотя бы одну, первую, серию недавно вышедшего в прокат фильма «Сумерки». В нем отражалась часть нашей с ним ситуации, через переживания главной героини можно было бы понять мои переживания, а развитие романтической линии фильма перекликалось с развитием нашей. Сходство выражалось в нестандартности личностей самих героев, и если говорить о главной героине Белле Свон, то она была робка и неуклюжа, ей тяжело давалась физкультура в школе, а из-за своей замкнутости она не могла завести друзей, что практически повторяло Катин характер в школьные годы. Второе сходство заключалось в их принадлежности к разным кланам, а у нас — к разному возрасту. А третье, и главное схожестъ относилась к сфере чувств, их глубина и способ выражения.

Посвятить время просмотру фильма я предложила в самом начале встречи. Включив старый ноутбук в игровой комнате, мы расположились перед ним. Через двадцать минут от старта просмотра заметила, что у Тимофея не произошел контакт с фильмом, и ему он малоинтересен.

Я выключила фильм.

— Вижу, что тебе не интересно.

— Я люблю такие фильмы смотреть в одиночку в знакомой домашней обстановке. Может быть, посмотрю в другой раз, — извиняющимся тоном объяснил свою зевоту и отвлечение по сторонам.

Не созрел еще для фильма... Жаль. Я очень надеялась на него. Как мне теперь объяснить свои чувства к Тимофею? Говорить прямо об этом, не представлялось приемлемым, это грозило прекращением общения. Оставалось ждать его созревания и взросления.

— Хочешь, я массаж тебе сделаю? — вдруг выпалила я наудачу. Массаж — не эротика же, но тактильные ощущения помогут вывести напряжение из организма.

Тимофей просто опешил и даже растерялся.

— На спине, чтобы помочь расслабиться, и подлечу заодно. Я училась массажу, знаю, как его делать, общий и точечный, — пояснила я свое предложение.

— Ладно, давай. Куда ложиться? — как-то неловко спросил Тима.

— А ложись на мат, — показала я рукой в сторону скру-

ченных детских матов, прислоненных к стене.

Я раскрутила пару матов, состыковав один с другим. Тимофей лег, собираясь снять футболку.

— Не надо, массаж делается через ткань, — остановила я его. Тактильное прикосновение не требовало оголенного тела, потрогать тело мальчика годилось и через тонкий слой ткани.

Он лег. Я принялась водить по спине руками, сделав несколько предварительных поглаживаний всей спине. Спина была напряжена и мышцы собраны в жесткую поверхность. Он явно не был расположен к такому повороту нашей встречи.

Быстро сдаваться не хотелось. Принялась за плечи и руки, тот же эффект.

«Да, тяжело что-либо делать против воли человека, да такого молодого», — подумала я.

— Расслабь мышцы, мне не продавить их, — посоветовала я мальчику.

Они не расслаблялись. Потыкав пальцами в разных местах, я видела, что его тело закрыто от меня и не пропускает в себя мои энергии. Руки спустились к самой талии, здесь я замерла на мгновение, раздумывая, не погладить ли чуть ниже... но воздержалась. Нарушать закрытые границы не входило в мои интересы, и поэтому дальше двинулась по другим линиям массажа, перейдя на «протыкивание» пальцами акупунктурных точек. Тут мои пальцы не годились, и я приме-

нила локоть.

— А-а! — сказал Тимофей.

— Больно?

— Немного.

— Буду заканчивать. Все равное не расслабляешься. Тело зажато.

Сделав завершающие поглаживания, я отняла руки от его тела. Тимофей быстро встал с пола, поправился. Мы скрутили маты и вернули их на место.

— Спасибо, — вежливо сказал мальчик.

— Ладно, пойдем пить чай, — позвала я. — А то нам уже час остался здесь находиться.

На его лице отразилась улыбка, видимо, эта тема его устраивала более всего. Я приготовила все необходимое для чаепития, Тимофей раскрыл принесенные с собой сладости.

Мы смотрели в окно, где просматривалась оживленная улица, потом друг на друга. Я поглядывала на мальчика, пытаясь рассмотреть, какой эффект произвели мои массажные манипуляции на него, опасаясь увидеть недовольство, но ничего однозначного не разглядела.

За чаем я поинтересовалась у него, не желает ли он поучаствовать на фестивале под открытым небом и показать там сказку, которую мы готовили долгое время.

— Да, было бы здорово, — отреагировал Тимофей. — Но я никогда не ездил в поход с ночевкой и не спал в палатке.

Мы обсудили все походные моменты, какие вызвали во-

просы у мальчика, также предварительно распределили, кто что возьмет из инвентаря и оборудования, определили, сможем ли взять сумки с игрушками из моего кабинета. Разговор получился предметный и содержательный. Чувствовалось, что он сгладил шероховатость первых двух часов, но полностью или нет, по лицу Тимофея судить было сложно. Он старался быть радушным, веселым, и было ли это его истинным состоянием или он вежливо скрывал свои эмоции, я не могла определить наверняка.

Нам еще предстояло вымыть полы, как я обещала воспитательнице. Едва я намекнула на полы, как Тимофей соскочил и побежал брать ведро и швабру. Он стал водить сырой шваброй по полу на кухне и в коридоре.

— «Какой он работающий!» — восхитилась я про себя, но вслух говорить не стала, зачем хвалить человека за естественное проявление своих лучших качеств. — «Хорошо, что он взялся за это, а мне совершенно не хотелось мочить свои руки», — также подумала я.

Позже, анализируя его поведение, я пришла к выводу, что он взялся за мытье полов по двум причинам. Первая, — чтобы не сидеть так долго на одном месте, а хотел подвигаться, и вторая, стыдно же ему будет, если он будет сидеть, а я буду мыть полы.

Кстати, фильм «Сумерки» он действительно посмотрит позже, года два спустя, и он ему очень понравится.

Время пребывания в детском саду истекло, и мы, закрыв

квартиру и сдав ключи, разошлись по домам. Можно ли было рассчитывать на звонок через несколько дней, или я оттолкнула его своим приступом на его крепость, я не понимала. Нелепая вышла история, конфузная немного, но показательная, что делать можно, а что — еще нельзя, не созрело.

Сомнения распирали меня, я мучилась, не находя себе места несколько дней. И моей радости не было предела, когда увидела его смс: «Екатерина Геннадьевна, здравствуйте, как у вас дела? Мы говорили о фестивале. Мы едем на него?» «Здравствуй, Тимофей, едем. В середине июня нужно быть готовым», — ответила я. — «Это будет твоим первым опытом показа кукольного спектакля перед детьми». «Очень здорово. Спрошу у родителей, отпустят ли», — написал Тимофей. Через некоторое время он написал: «Отпустили. Папа даже готов нас довезти до места». «Отлично», — ответила я, но внутри немного похолодело, неизвестно, как папа на меня отреагирует, когда увидит.

Первая совместная поездка

Ближе к делу мы встретились. Сказку репетировали и детали поездки обсудили.

— Не забудь взять с собой спальник, кружку-ложку, теплые вещи. Спать будем в палатке на улице.

— Ясно. Но спальника у меня нет.

— А что ты папе сказал про меня?

— Сказал ему, что еду с преподавателем из колледжа на фестиваль.

— Ладно.

Перед поездкой мы еще раз все обговорили по телефону. Я сказала, что спальник на него возьму.

— Я ни разу не ездил в поход и не спал в палатке, — узнала я от него.

— Вот и прекрасно. Надо пробовать.

Родители воспитывали его в городской среде, и никаких походов или спортивных мероприятий не организовывали для своих детей. У Тимофея также была родная сестра, младше него на пять лет.

Слава хотел меня проводить, но я сказала:

— Зачем? мне помогут, встретят, и сразу на машину пересядем. Там другие тоже едут на фестиваль.

Это было не в первый раз, я уже ездила на фестивали со своими сказками, и у Славы большого подозрения не вызвал

мой отъезд и отказ от помощи. Он в принципе не очень принимал мое увлечение сказками, и серьезно к этому не относился. Куда-то езжу, уезжаю с большими сумками, какие-то выступления... Это проходило мимо него.

Тимофей встретил меня на станции. Принял у меня рюкзаки, палатку.

— Привет!

— Здравствуйте! — он запнулся, затем исправился, — Здравствуй!

— Да, конечно, мы же на «ты».

— Непривычно еще. Давно не виделись.

— Месяц почти. Папа-то нас увезет?

— Да. Он около дома стоит.

— Ну хорошо, тогда пошли на автобус.

— Пошли.

Через десять минут мы подъехали к дому Тимофея. Внутренне я волновалась.

Папа все-таки, увидит, что я такая взрослая, подумает, что занимаюсь ерундой, да еще и сына его за собой тяну.

Но размышлять уже было поздно, мы подходили к подъезду. «Тойота» внедорожник стояла с открытыми дверьми. Лобовое окно протирал приземистого вида мужчина крепкого телосложения с абсолютно лысой головой. Тимофей рядом с ним выглядел худышкой, возвышающимся над родителем на целую голову.

— Здравствуйте! — сказала я первая нарочито мажорным

ТОНОМ.

— Здравствуйте, — мрачно ответил папа Тимофея.

— Тимофей сказал, что вы нас довезете до Юга.

— Что стоишь, складывай рюкзаки в багажник, — вдруг набросился он на сына, ничего не ответив мне, а только смерив взглядом с ног до головы.

Мне даже неприятно стало, почему-то подумалось, что такая реакция невольно направлена в мою сторону. Возможно, Алексей Борисович ожидал увидеть совершенно иного вида человека, более презентабельного или более светского, не знаю. А я не выглядела как бизнес дама, и даже как учитель в элегантном трико и яркой красной футболке с надписью «Родное». Голову мою покрывала белая кепка с тканевой отделкой также красного цвета на конце козырька.

Наверное, надо было юбку длинную надеть все-таки, — промелькнуло у меня в голове.

Тимофей бросился к багажнику. Наконец загрузились, захлопнули двери. Я села на заднее сиденье за водителем, Тимофей сел рядом с папой. Тронулись.

В дороге немного поговорили о нашей затее и в целом о фестивале. Все остальное время Тимофей и папа что-то обсуждали, я не вникала. А смотрела по сторонам. Красивые луга пестрели вдоль проселочной дороги, куда мы уже свернули с трассы. Скоро мы достигнем Юга. Мое внимание перенеслось на фестивальную поляну. Там нужно будет найти место для палатки, чтобы не в центре, а поодаль и в то же

время вместе со всеми.

Подъехали. Выгрузились. Папа Тимофея, все такой же недовольный, буркнул:

— Когда приехать, скажи еще раз?

— В воскресенье в конце дня лучше всего.

— Часов в шесть подъеду, нормально?

— Прекрасно.

— Договорились. Пока.

На меня даже не взглянул. Уж очень, видно, я папе не понравилась. Ну и ладно!

— До свидания, — проговорила я вслед закрывающейся двери машины, но меня, более чем вероятно, не услышали.

Первый костер и первая ночь

Тимофей и я отправились на фестивальную поляну. Еще издалека стало понятно, где будет размещаться основная масса людей. Когда мы проходили по деревеньке, то прошли мимо огороженной территории, где стоял заколоченный домик, находящийся в стадии ремонта. Забор почти отсутствовал, но столбики от него показывали границы этого домовладения. На самом участке лежали мешки со строительным мусором.

Просканировав место и ситуацию, я предложила:

— Расположимся во дворе заколоченного домика.

— Пойдем.

Мы обошли дом и со стороны заброшенного огорода заметили ложбинку, которая примыкала к двум деревьям, растущим рядом друг с другом — рябине и березе.

— Отлично! Ночевать будем здесь! — констатировала я факт.

— А если приедут владельцы? Захотят тоже на фестиваль и приедут..., — стал предполагать Тимофей.

— Если приедут, придётся уходить. Но, — я обратилась вглубь себя, — вряд ли. Выходные уже почти начались, и если их до сих пор нет, то и не приедут, — уверенно заключила я. — Стройка идет не быстро, судя по всему, и новый строительный материал до сих пор не привезен.

— Будем надеяться, ты права, — ответил Тимофей.

Мы расставили палатку. Тимофей помогал мне в этом. Он вообще очень быстро учился всему, хотя многого не умел. Городские условия проживания и родители, которые не занимались садоводством и не ходили в походы, послужить примером ему не могли в палаточно-костровых делах.

Я раскатала пенки, разложила спальники и накинула сверху тонкое одеяльце. Временное жилище было готово.

На улице стояла жара, хотелось окунуться, что мы и сделали, не откладывая. Недалеко от нашего месторасположения находился пруд. Переодевшись, мы побежали к нему. Какая приятная вода оказалась в нем! Чуть прохладная она омыла наши тела. Выходить из воды не хотелось, но оставлять свои вещи надолго без присмотра также было нельзя. Люди прибывали на фестиваль, и дорога пролегла мимо нашей палатки. Хотя она не сильно выделялась среди кустов и деревьев, тем не менее, находилась в стороне от центра праздника.

Очень хотелось горячего чая, и его необходимо было приготовить. Для этого требовалось развести огонь. Мы нашли несколько чурбаков, приготовили их для костра. Но мелких щепок нигде не валялось и чтобы наколоть их, требовался инструмент. Я пошла к соседскому забору. Заприметив там человека, решила позвать его. Объяснила ситуацию и получила топор и еще несколько чурбаков.

С таким богатством вернулась к кострищу. В середине положили два кирпича, также найденных на стройке, чурба-

ки разложили по кругу, подожгли. Спички и газету брали с собой. Костер разгорелся с третьей попытки. Теперь оставалось нагреть воду в котелке. Нам понадобились принесенные мной чурбаки. Когда вода закипела, — что произошло примерно через час, — я засыпала заварку. Чай был готов!

Тимофей встал, чтобы достать кружки и термос из рюкзака, и ...нечаянно зацепил ногой котелок, который я сняла с огня и отставила в сторону. Котелок опрокинулся, и наш драгоценный напиток молниеносно с шипением оросил землю.

— Как ты мог! — в сердцах крикнула я на Тимофея. — Что ты сделал, чтобы приготовить чай? Чему тебя вообще родители учили?

Я остановилась, в мои планы не входило ссориться с парнем.

— Я не хотел. Случайно получилось! Катя, извини меня!

— Эх! Где теперь будем брать чай?

Помолчали.

— Иди и поищи где-нибудь кипяток.

Тимофей повиновался. Он взял термос и ушел к другим палаткам.

Через некоторое время вернулся. Хоть и неполный, но термос был с кипятком!

— Где нашел?

— А там люди стояли вокруг костра и нагревали котлы с водой. Мне налили.

— Замечательно! Там и будем брать теперь воду для чая.

Мы расселись по сторонам от костра и, наполнив кружки, дринкали чай, заваренный из пакетиков. С чаем мы поели привезенные бутерброды. На этом наша трапеза завершилась. Еще раз искупавшись, отправились на ночлег.

Едва лег, Тимофей сразу отвернулся, а я... ожидала чуть большего. Так хотелось, чтобы он меня обнял. Да и просто, чтобы прикоснулся. У меня все тело болело, вернее, кожа. Она изголодалась по объятиям. Я долго крепилась, но решилась-таки произнести просящим тоном:

— Тимофей, ты бы меня обнял хоть.

— Что? — спросонья спросил парень.

— Обними, говорю, — отчаянно повторила я.

— Я не умею, — услышала в ответ.

— Как не умею? — оторопела я.

— Никого ни разу не обнимал.

— Просто свою руку положи на мою спину.

— Не, не могу, не получится.

Вот так. И для чего я с собой его взяла тогда? Ни костер развести не умеет, ни палатку поставить... И обнимать не хочет. Я чуть не рыдала. Но взяла себя в руки. Утро вечера мудренее...

А вот и сказка

Утром, как проснулись, сбегали на пруд. Вода была волшебной. Тепло, красиво, птицы поют разноголосьем.

Сегодня предстояло нам показать в первый раз сказку. Надо было готовиться. Тимофей уже без напоминания сходил за кипятком. И после чая и бутербродов, сделанных из консервов, мы повторили наш спектакль.

Когда настало время, мы пришли на общую поляну. Нам показали место рядом с главной сценой. Там еще и другие мастера по работе с детьми находились. Мы разложили свой реквизит, и когда была объявлена сказка, нас окружили дети, мамы с детьми.

— Тимофей, ты как? — спросила я, желая подбодрить своего партнера.

— Ох, волнуюсь, Катя.

— Не думай ни о ком, а держи все свое внимание на сказке. Тогда получится. Кстати, я тоже волнуюсь, если тебя это немного успокоит, — сказала я с улыбкой.

— Вы волнуетесь? — с переходом на «вы», удивился Тимофей.

— Конечно, каждый раз перед показом испытываю легкую дрожь в ногах и в животе. Но пора начинать. Готов?

— Готов.

Мы встали с ним перед нашим столом с занавесом в руках

и сказали:

— Сказка начинается, занавес открывается!

Открыли занавес и вернулись за стол, где заняли свои места. Сказка показывалась на столе. Мы переставляли героев и озвучивали их разными голосами. У Тимофея получалось прекрасно это делать. Он играл за всех персонажей, которых Настенька встречала по дороге к бабушке, и за корову, и за курицу, и пастуха, и за доярку, и за пчелку, и за нашего любимого героя — сказочного существа Дрыгай-Прыгай!

— Я — житель камней, и если кто-нибудь звонит по телефону рядом, то у меня ноги дрыгают, — рассказывал о себе Дрыгай-Прыгай голосом Тимофея.

Зрители смотрели внимательно, глаза детей были сосредоточены на куклах. В конце спектакля нам аплодировали. Все были довольны. А Тимофей испытывал состояние восторга.

— Я так рад... сказку показываю, смотрю, дети слушают с интересом.

Тимофей широко улыбался. А я улыбалась его радости и тому, что у нас получилось.

— Катя! — услышала я чей-то голос.

— А, это ты Женя, привет! Сказку смотрели нашу?

— Да, смотрели. Вы молодцы.

— Ты тут с семьей?

— Да, и с детьми, и с мужем.

— Слушай, приходите с детьми к нам на огонек!

— А вы где остановились?

Я рассказала.

— Ух ты! Далеко вы.

— Зато тихо ночью будет. В центре-то долго не спят.

— И то верно. Я постараюсь прийти вечером, за мужа не обещаю.

Забегая вперед, скажу, что Женя приходила в гости, мы мило поболтали. Тимофея я представила, как своего нового партнера по сказкам.

Гимнастика чаровниц

Встретив Женю, на меня нахлынули воспоминания о моем втором фестивале, куда я ездила со своими сказками.

Все фестивальные поездки были в чем-то похожи между собой. Особенно первый день фестиваля, когда я заезжала, как правило, одна, ставила палатку, мучилась вечер от одиночества, а на следующий день происходило нечто такое, что можно назвать чудесами, не иначе. Так произошло и в тот раз, когда я узнала о существовании гимнастики чаровниц, познакомилась американкой, с которой провела все три фестивальных дня.

Но обо всем по порядку.

...Я проснулась рано, фестивальнй лагерь еще спал крепким сном. Но солнце светило ярко и поднимало с постели. Я решила отправиться на реку. Внизу под лагерем пролегала одна из уральских рек, мощная, сильная, стремительная.

Я шла вдоль берега, как вдруг из-за бугорка, скрывающего реку, стали выходить девушки и женщины. Одна вышла, другая, третья, всего человек пять или семь набралось.

У каждой в руках была пенка. Их возглавляла веселая и молодая красавица. Мои ноги сами остановились. Женщины разложили пенки на траве-мураве и ведущая начала вести...гимнастику. Как оказалось позже, это гимнастика славян-

ских чаровниц.

Катя, так звали ведущую, предложила мне свою пенку, думая, что я так же, как и другие, пришла на занятие, а сама стала показывать движения прямо на траве. Она была босая, да и другие женщины тоже. На всех были одеты длинные широкие юбки, плетеные пояса и при этом ни на ком не наблюдалось бюстгалтера под майкой или футболкой. Это выглядело весьма необычно. Я, как замороженная, присоединилась к ним. Движения были мягкими, плавными, не сложными, но некоторые из них выполнялись в позах, которые может видеть только любимый мужчина. Это и объясняло столь раннее время проведения гимнастики. После гимнастики я ощутила такой приток энергии, словно меня накачали как воздушный шарик воздухом.

С той поры начала посещать Катины занятия в городе, а, впоследствии, и заниматься самостоятельно дома. Гимнастика производила массаж всех внутренних органов и систем, а также создавала эффект размятых мышц шеи, спины и бедер. После года занятий у меня расширились бедра, и я превратилась в настоящую русскую женщину, что позволяло мне носить красивые юбки и обтягивающие платья.

Город и городские условия жизни настолько зажимают красоту женщин, что повсюду мы видим узкие бедра и при этом еще легинсы или другие обтягивающие брюки. Это крайне некрасиво, с какой стороны ни посмотри. Всем женщинам и девушкам России рекомендую вспомнить о своей

природной красоте и стремиться в себе ее развить и проявить.

Второе чудо этого фестиваля открылось под вечер. На поляне я случайно встретила с одной своей знакомой, Женей, она приехала на фестиваль с семьей и... американкой. Женя работала преподавателем русского языка, а также журналистом. Ей дали задание обучать американку русскому языку и ездить с ней на разные мероприятия, где можно было бы увидеть наш русский колорит, чтобы сильнее погрузиться в русско-язычную среду и прочувствовать нашу народную культуру.

Женя пригласила меня к своей палатке. Там я познакомилась с ее мужем, детьми и Лори. Лори оказалась улыбчивой, интеллигентной женщиной лет пятидесяти. Американка разместилась в узкой одноместной палатке, виду которой я немало удивилась. Обычно у нас такие не используют. Еду готовили все вместе на примусе, взятом с собой. Около них было уютно и дружелюбно. Женя сказала мне:

— Можешь общаться с ней, сколько хочешь.

Еще немного побыв с ними и договорившись на завтрашний день о встрече на празднике Купалы, я ушла.

Утро у меня вновь началось с гимнастики, которая закончилась в живых и теплых водах реки. Днем я работала с детьми, показывала им кукольную сказку в брезентовой палатке, которую сама сшила дома на ножной машинке из огромной солдатской палатки. На эту работу ушел месяц.

Эту палатку однажды принес мне отец, и где он ее взял, не знаю.

А практически весь вечер я провела с американкой. Что могла, переводила, что не знала, как перевести, описывала другими словами.

На меня этот фестиваль оказал сильнейшее воздействие, столько эмоций и радостных чувств он привнес моей душе. Я вспоминала его почти весь год.

Во время фестиваля в один из вечеров был организован замечательный концерт. Песнопения, народные пляски, игра на всевозможных народных инструментах общим скопом оказывали мощное влияние на все органы чувств и создавали эстетически оформленный калейдоскоп русских традиций и русского гуляния. Среди всех концертных номеров сильнейшее впечатление на меня произвел такой танец как трайбл. Он так меня обворожил, что я загадала, что однажды научусь этому танцу. Я исполнила задуманное, хоть и через несколько лет.

На сцену под одной выходили девушки и женщины, одетые в яркие длинные и объемные юбки, лифы, которые назывались бра. Во время движений, которые совершали танцующие, позвякивали монеты и всевозможные украшения. Они были навешаны повсюду: на запястьях, щиколотках, поясе, шее и ушах. Звон позвякивающей фурнитуры производил невероятный завораживающий эффект. Зрители неотрывно следили за перемещениями танцоров, а особенно движениями

ями их рук и бедер.

С американкой Лори мы еще не раз встречались в городе, где сходили в два музея, один — деревянной скульптуры, прославленной по всей России, а в другой — Диораму, где очень живописно выставлена битва 1905 года. В завершении нашего общения я организовала встречу со студентами. Они восприняли эту женщину чуть ли не на «ура». Лидера собравшихся она сравнила с одним из известных актеров Голливуда, и он был покорен ею в один момент. Встреча прошла в теплой обстановке одного из кафе города, Лори разговаривала с молодыми людьми на очень простом английском языке, и ребята ее с легкостью понимали и пытались отвечать, успешно или не очень, у кого уж как получалось.

Вообще надо признать, что моя поездка на тот фестиваль, когда найдя в себе мужество и смелость, ни на кого не полагаясь, я рассчитывала только на свои силы, была сторицей вознаграждена. Я благодарю своих Ангелов и тонких помощников.

Именно они организовали мой ранний подъем и подвели к группе чаровниц, и американка на фестивале оказалась не случайно, а для того, чтобы мы с ней подружились и провели прекрасное время вместе. Она, став свидетелем русско-народной традиции мощного и незабываемого празднования дня Ивана Купалы, я — получила возможность реализовать свои коммуникабельные способности на английском языке.

Ох уж эти хороводы

А вечером... мы водили хороводы. Давно я не испытывала такой радости, как тогда. На других фестивалях тоже водили хороводы, но у меня не было пары! А в этот раз со мной танцевал юный и прелестный молодой человек! Наши руки постоянно соединялись, рассоединялись, вновь соединялись. И эта волна радости и счастья от того, что я — не одна, и от той юношеской игривой и молодецкой удали, исходившей от Тимофея, нахлынывала одна за другой. Постепенно радость наполнила меня всю, с ног до головы.

И я уже, не раздумывая, шла прыгать за всеми через костер, потом шла ходить по горящим углям, а после нырять в пруд и затем вновь обратно по углям. Все вокруг радовались, кричали и смеялись.

После всей этой кутерьмы участники фестиваля встали в общий заключительный хоровод вокруг большого костра. Сначала двигались по часовой стрелке, потом против. А далее встав в два кольца — женское внутреннее и мужское внешнее — двигались одновременно по часовой и против часовой стрелки поочередно.

Невероятный фейерверк ощущений, эмоций охватил всю поляну. Казалось, мы погрузились во времени в прошлое, когда наши предки славяне именно так праздновали Купалу и другие народные праздники.

Ночью я уже не просила Тимофея обнимать, я свалилась спать крепким сном. На следующий день нам была пора уезжать.

День прошел быстро. Мы сходили в местный храм, где увидели старинные иконы (иконы) и подивились их количеству. Они не только висели по стенам, но и стояли всюду, и даже в некоторых местах образовывали стопки.

К шести вечера мы полностью собрались. Папа Тимофея немного задерживался, и я решила сходить за водой на поселковый родник, чтобы взять ее с собой в город. Мы узнали, где он находится, когда шли к храму. В одном месте центральной дороги шло разветвление. Налево дорога вела на родник, направо уходила дальше к храму, стоящему на возвышенности.

Папа может и отказаться завести нас за водой, когда придет. Тимофей рассказывал, что они дома пьют воду из-под крана, и поэтому родниковой водой не интересовались. Она не являлась для них чем-то важным и необходимым, как для меня.

— Я вас ждать буду на роднике, — наказала я Тимофею.

— Хорошо.

Я уже давно набрала воду в полутора литровые бутылки, давно стояла в ожидании машины. Но она все никак не появлялась. Я уже устала поправлять косынку на голове и заправлять выбивающиеся пряди волос из-под нее — дул небольшой ветерок, которого было достаточно, чтобы растрепать

мои незаплетенные в косу волосы. Я уже устала строить красивую улыбку каждой появляющейся из-за поворота машины похожей на ту, что водил папа Тимофея. Я не очень различала машины, и одного взгляда на нее в городе мне не хватило, чтобы запомнить ее наверняка.

В конце концов я просто принялась шагать взад-вперед по короткому участку тротуара около родника. Прошло, наверное, минут двадцать или более, когда около меня остановилась черная «Тойота». В тот момент я как раз шагала прочь от дороги. Тимофей высунулся из окна и прокричал:

— Екатерина Геннадьевна, садитесь быстрее!

Да, перед папой мы условились придерживаться обращения учитель-студент. Я поспешила в машину.

— Здравствуйте!

— Здравсьте! — прозвучало в ответ.

— Почему вы так долго? — тихо спросила я у Тимофея, который на этот раз сел на заднее сиденье.

— Мы поехали сначала к храму.

— Зачем?!

— Я подумал, что вы туда ушли.

— Так я ж с бутылками на родник, вроде бы как...

— А я подумал, что вы в храм пошли за святой водой.

— Ясно.

В дороге Тимофей и иногда и я, рассказали кратко Алексею Борисовичу, как мы выступили и что делали на фестивале.

Папа Тимофея был немного слегка мягче, чем в дороге сюда. По его виду можно было понять, что он доволен тем, что его сын и я не переспали, как он, очевидно, предполагал в самом начале.

Мы доехали до меня, Тимофей вынес мне все сумки.

— Спасибо! До свидания!

— До свидания, Екатерина Геннадьевна! — услышала я голос Тимофея.

Потом Тимофей мне сообщил, что папа высоко оценил дом, в котором у меня была квартира. Пятиэтажный, современный дом из желтого кирпича выделялся среди других домов, особенно панельных. Позади моего дома стоял ряд коттеджей, а рядом еще один такой же. Эти два дома являлись домами особой планировки и смотрелись эффектно. Хотя бы один положительный момент в нашем общении с ним.

Летом мы практически не виделись, зато переписывались. Писали письма в электронном виде, практикуясь в эпистолярном жанре. Писали смс. Ждали новых встреч.

Я писала стихи, мучаясь сомнениями, имею ли право на любовь к мальчику.

Игра в любовь

Я любила... И, может быть, еще люблю.

Никак одного я не пойму,

Зачем и для чего любовь

Такая странная была дана.
То кажется, я разлюбила,
То снова тянется к нему душа.
Как хорошо,
Что нет уж ничего, и не было меж нами.
Немного грустно и растерян взгляд.
Чем бы теперь себя занять?..
Он хладен, строг и горд,
Высокомерен, но дух его высок,
Довольно!
Играла я в любовь. Она неверною была:
Хоть искренна, но не чиста.
В ней плотский зародился дух,
И все закончилось, как будто вдруг.
Он принимал и наблюдал, как страсть во мне рождалась
И все сильнее разгоралась.
И он играл. Нечистый был его призыв.
Он с пристрастием на меня смотрел.
И наслаждался..., да, было чем.

Моей глубокой чувственностью и беспредельной
страстью.
Я дарила столько чувств, что он порою задыхался,
И просил порою обождать чуть-чуть.
А потом снова возвращался и старался больше, больше
В себя вобрать той сладостной, невероятной страсти.
Сладость... Это яд.
Как только начинаешь ты его вкушать,

то неизбежно к демонам угодяешь в рабство.
Они всегда наизготовку чью то душу взять.

Конечно, мы могли б сказать,
Чувство плоти есть продолжение чувств,
Естественны они и объяснимы.
Но в нашем случае была б греховной связь.
Насколько сладок яд...
Кто не проходил сквозь испытание плоти,
Тот не поймет, о чем ведется речь.
Хочешь, но нельзя. И просто невозможно. Кто он, кто я...
И эти два руля тобою крутят беспощадно.
Страсть рвется из тебя, готовая разрушить, все снести,
Ломая и круша, что встретит на пути.
Не понимаю, зачем же нашим отношениям
Позволили мы так далеко зайти...
Но прозвучал отбой, и схлынула волна... Теперь все
стихло.
И все же тянется душа, стремится к тому очарованию,
Что все-таки жило меж нами,
И которое нечаянно мы чуть не растерзали.
Ее хотелось бы восстановить
И снова, как вначале, чай задушевный пить...

Ты юн, у тебя пыливый ум.
Скорее же давай к чистоте шагай.
Я искушала, ты искушал.

Я поддавалась, и ты податлив был.

Нам нравилось взаимно: мне тебя любить,

Тебе ж в моей любви купаться.

Но далеко зашли в своих игривых чувствах.

И долг путь обратно.

Или ж, нет, пускай, он будет мигом, простым прыжком
назад,

В тот день и час, когда мы друг на друга посмотрели

В самый первый раз...

Глава 4. ТРЭ-III

«Трэвел»

Тимофей подал документы в университет и поступил на строительный факультет. Это то, что посоветовали его родители ему взамен Ульяновска. В целом папа был доволен, а мама молча приняла выбор сына. Тот факт, что он остается дома под присмотром и не едет никуда в чужой город, покрывал смену выбора будущей профессии.

Тимофей немного рассказывал родителям о своем увлечении сказками и показом их детям. Родители называли это «блажью» и надеялись, что она скоро пройдет. А он бегал окрыленный новой затеей, и под этим легко пряталась его влюбленность в женщину. Распознать ее было практически невозможно.

Свою влюбленность в Тимофея Катя скрывала, как могла. Скрывала, прежде всего, от мужа. Разговаривая сама с собой, она чувствовала готовность бросить все и пойти за своей Любовью, если понадобится, хоть на край света. Но, в том-то и дело, что идти было некуда. Тимофей жил с родителями в квартире, своего дохода не имел.

Катя, погрязшая в кредитах, даже помыслить не смела о новых расходах, таких как аренда съемной квартиры. Кре-

диты набрала из-за болезни мужа, с одной стороны, и ежемесячной ипотечной выплаты за квартиру, с другой. Зарплата у учителя небольшая, что можно на нее позволить себе?..

Катя мысленно просила прощения у мужа за моральную измену. Да, пока она всего лишь в мыслях изменяла. Вся ее мыслительная энергия была направлена на молодого человека. Его вихры, по-детски топорщащиеся в разные стороны, его блистательная улыбка, очаровывавшая подчиняющую себе безвозвратно.

Она рассматривала их отношения как партнерские по теме показа сказок. Но в душе зрело желание завоевать сердце Тимофея. Сначала она несмело, но довольно настойчиво думала об этом, а после его приезда из Новосибирска Катя решила, что это — ее шанс изменить свою жизнь.

Наступил первый курс. Не успев отучиться два месяца, как Тимофей получил повестку в армию. Мы поджидали ее.

Нашу «брачную» ночь мы назначили перед самой отправкой новобранцев на службу. Оттягивать уже было некуда.

Выбрали гостиницу, мимо которой мы не раз проходили. Она нам понравилась тем, что занимала небольшое старинное здание в три этажа и находилась в том же тихом районе, в котором мы гуляли все это время. Накануне, прежде чем заказать номер, мы зашли в гостиницу и посмотрели номера. Нам разрешили это сделать.

Наиболее подходящим номером для предстоящего события мы выбрали лучший номер в гостинице, люкс на вто-

ром этаже, окна которого выходили на улицу. На эти окна мы не раз заглядывали во время вечерних прогулок, потому что вдоль них пролежала цепочка огней, подсвечивающих здание.

Тимофею требовалось заказать номер по телефону. В тот момент мы еще не определились с датой, поэтому не бронировали его сразу.

Наступил день, который мы называли «Трэвел» от английского «путешествие». С этого дня начнется наше путешествие длиною ...столько дней и лет, сколько мы себе определим сами и с милостью Бога.

В этот день я работать не могла совсем, мысли постоянно улетали на нас с Тимофеем. Неделя до этого тоже прошла подобным образом. Мы, напомним, встречались ровно год, не позволяя себе ни-че-го. Самое большое это было соединение рук в старинном танце и разделение одной палатки на двоих, где мы спали порознь, как положено, малознакомым людям.

Зайдя в холл, мы увидели девочку, сидящую на ресепшн-е, и не могли не удержаться от внутренней улыбки. Она была крайне похожа на Добби из фильма о Гарри Поттере. Маленького роста, с большими выделяющимися ушами, она выглядывала из-за высокой стойки.

— Паспорта, пожалуйста.

Мы прошли регистрацию, и поднялись на второй этаж. Я шагнула по направлению к люксу.

— У вас бронь на другой номер, — услышала я голос де-

вочки-Добби, повернувшей налево от лестницы.

— Как?! Тимофей? — обернулась я к нему. — Почему другой номер? — неприятно удивилась я.

— Так я все объяснил, какой номер мне нужен, но, видимо, меня не поняли, — начал оправдываться он.

Мы заглянули в номер, на который была бронь. Неплохо, но не то уже, и настроение покачнулось. Девочка-Добби уже ушла, ей нельзя оставлять рабочее место надолго.

— Я сюда не хочу. Только в тот, который мы смотрели, — запротестовала я. — Или туда, или отменим наше событие.

Тимофей вновь спустился вниз, и через некоторое время вернулся с ключом от люкса.

— Он свободен, оказывается, сегодня, а на завтра его уже сняли. Нам повезло.

На самом деле не повезло, а я мысленно держала этот номер для нас в эту ночь.

Я постаралась выровнять настроение, забыть о случившемся, списав неточность бронирования, а по сути, безалаберность, на молодость своего парня. Впереди ожидалась невероятная ночь, поэтому я убрала свое недовольство.

Да, следует признаться, что дома я сказала, что ночую у подруги, хотя этого не делала раньше. Тимофей сказал, что ночует у друга. Такое оправдание позже мы будем использовать много раз.

Зайдя в номер, мы включили свет. Тимофей зашторил шторы, которые закрывались нажатием кнопки на пульте, и,

достав из своей сумки книгу, сел в кресло, закинув ногу на ногу.

Мы сняли полулюкс на двенадцать часов.

— Что мы будем делать? — попыталась я начать движение.

— Читать, — лаконично ответил Тима.

— Что?! Читать? — я искренне удивилась. — Ну, хорошо, читай, — смирилась я. — А я стану пить чай.

Я видела, что Тимофей очень волнуется и пытается это скрыть всеми способами.

— Я пошутил, — полистав книгу, сообщил мне Тимофей.
— Я тоже чай хочу.

— Прекрасно! — улыбалась я.

Чай — это всегда начало хорошего искреннего разговора между двумя любящими людьми. К чаю прилагалось вкусное печенье, йогурт конфеты.

Закончив приятную трапезу, мы оба понимали, что пора переходить к главному, из-за чего мы очутились в этом номере.

— Давай иди в ванную первый, а потом я присоединюсь, — предложила я.

Мы исследовали ванную, где обнаружили, висевшие белые махровые длинные халаты на крючках, полотенца, лежавшие на полочках, и тапочки, стоящие под халатами.

Ванная была оборудована душевой кабиной.

Тимофей остался внутри, а я вышла, чтобы немного дать

ему освоиться с обстановкой и в целом с ситуацией. Я привела себя в порядок, подняв волосы наверх и закрепив их тугой резинкой. Мочить их я не собиралась. Через пару минут я выключила свет в ванной и открыла дверь.

— Без света нормально? — спросила я на всякий случай, а также чтобы не молчать.

— Нормально, — отозвался молодой парень из душевой кабинки.

Запомнив дорогу к ней, я закрыла дверь ванной за собой...

Конечно, дорогой читатель, я не стану описывать то, что должно быть скрыто от посторонних глаз. Это разрешено знать лишь тем двоим, кто остался там. Сообщу с улыбкой только то, что наутро, уже приехав домой, обнаружила отсутствие своего нижнего белья. Оно осталось там тоже. Пришлось идти снова в эту гостиницу и спрашивать о белье.

Девочка-Добби очень, нарочито, равнодушным голосом сказала, что они находили белье, и подала мне его в бумажном пакете через стойку.

— Спасибо, — поблагодарила я, покраснев до корней волос.

— Пожалуйста, приходите еще, — прозвучало в ответ. Если Тимофей проявил безалаберность при бронировании номера, то я проявила безрассудную забывчивость.

Через два дня после «трэвела» я поехала на вокзал проводить его в армию. Своего сына также провожали родители.

Мама постаралась, и Тимофея отправили служить в Подмос-
ковье. Стояла среди других провожающих, стараясь не вы-
дать себя влюбленным взглядом. Мы еще не открывали свою
любовь ближним. Не та ситуация.

Год разлуки

В период службы мы писали друг другу письма и отправляли их почтой, по-другому было нельзя связаться. Изредка Тимофей звонил.

За год службы вместе с письмами я отправляла ему открытки. Как-то само придумалось отправить ему столько открыток, сколько ему исполнится лет при возвращении домой.

Я бегала по магазинам и искала милые и красивые открытки, которые могли бы посредством своих картинок передать адресату мои чувства. Поиск открыток немного отвлекал от будней и помогал переждать разлуку.

Я встретила его после армии в одной из небольших гостиниц в двух часах езды от Казанского вокзала в сторону Коломны. Там мы провели три волшебных дня и три блаженные ночи.

Перед приходом Тимофея в гостиницу у меня бешено колотилось сердце. Я чувствовала его приближение. Появился он с цветами, красивый, молодой, в военной форме. Обстриженный наголо, потолстевший (на кашах, содержащей гмо), широко улыбающийся он в начале как-то неловко зашел в номер. Потом мы говорили, сидя на закрытом балконе в обнимку.

На станции, с которой мы ездили в Москву, постоянно объявляли: «Внимание! Электропоезд на Москву! Внимание! Электропоезд на Москву!»

Было непонятно, почему поезд шел *на* Москву, хотя мы ехали *в* Москву.

Доезжая до вокзала, переходили пути по железнодорожному переходу, и, пройдя несколько кварталов, попадали на нужный нам адрес.

Я не знаю, как так сошлось, но именно в это время, сразу, как Тимофей пересек армейский шлагбаум, в Москве проводился трехдневный семинар Сэла Рейчела, который организовала Катерина Самойлова из клуба «Все в тебе».

В тот период времени мы увлекались книгами Сэла Рейчела. Через них я узнала, как была создана наша планета, откуда появились люди на ней, почему они делятся на разные нации и многое другое.

На своем семинаре он, в основном, отвечал на вопросы гостей, и делал ченнелинг по заявленным темам. Переводила его сама организатор. Страсть к его книгам у меня поутихла, когда вышла следующая его книга, потому что она оказалось очень дорогой, и мне было не по средствам ее приобрести. А раз более не читаешь книги человека, даже если ранее ими сильно увлекался, и не следишь за новинками от него и вообще его деятельностью, то и забываешь об авторе потихоньку.

После интересной встречи-лекции ехали обратно.

Электричка длинная, неудобная, как проходной двор, не

то, что наши пригородные поезда. По сравнению с московскими, они родные, милые и даже уютные. Пока шел состав, вагоны то наполнялись людьми, то опустошались. И в них постоянно что-то продавали. Забегали одни продавцы, на другой станции выбегали, вслед за ними тут же забегали другие и навязчиво показывали свой товар. Мне вообще показалось, что люди в московских электричках покупают необходимые вещи именно там, у них другого времени и не находится на покупки.

Наши танцы

*Есть много людей с кем хочу пообщаться,
Есть вещи, что делают мир мой полнее и ярче.
Хожу, например, я на славянские танцы.
Ты — лишь минута, мгновенье в течение дня.
Но мысль о тебе гелем воздушным наполняет
меня.*

*А когда встреча у нас происходит,
Она как бальзам вливается в сердце, и тревога
уходит.*

*Смысла не вижу от тебя отдаляться,
Тем более, знаю, тебе со мною тоже приятно.
Мои ухмылки, ужимки и смс
Тебе доставляют эмоций букет.*

В течение первого года нашего знакомства помимо посещения выставок и концертов, мы занимались и танцами. Вот как рассказывает об этом сам Тимофей.

«...Одно время мы с Катей ходили на кружок танцев, да и не просто танцев, а старинных танцев! Таким образом, мы готовились к Масленичному балу, который должен был пройти в нашем городе через два месяца.

Нам очень нравятся русские народные и старинные танцы, поэтому, когда мы увидели объявление о наборе в группы по обучению старинному танцу, то сразу же решили туда

записаться. Репетиции проходили для нас в довольно интенсивном режиме, потому что пришлось за довольно короткий срок изучить немало танцев. А так как они были стародавними, то состояли сами по себе из множества замысловатых и трудно запоминаемых движений. Но восторг от того, что мы с моей Дорогой партнершей как Единая пара, как Единый организм вместе танцуем в этом искрящемся потоке Радости, этот восторг двигал нас к тщательному изучению танцев. И вот наступил Масленичный бал...

Все были одеты в пышные костюмы: дамы в платьях с широкой юбкой и в длинных перчатках, кавалеры во фраках и бабочках. Я специально для бала взял в аренду полностью упакованный костюм кавалера во фраке, а Катя надела наряд из своего гардероба.

Он состоял из лазурного шелкового платья, белого мехового жилета и белых длинных перчатках. Наверное, так одевались не в девятнадцатом веке, но Катя выглядела словно королева, сошедшая с зимней картины. Она вся блестела и сияла, словно её внутренний Свет отражался от неё самой. Наша пара благодаря такому неординарному внешнему виду привлекала к себе немало внимания со стороны окружающих.

Пожалуй, самый запоминающийся танец в нашей Жизни произошёл далеко от нашего родного города Екатеринбурга, и нигде иначе, как в Москве — столице нашей России!

Мы поехали туда вновь на открытое заседание клуба «Все

в тебе», на его трёхдневный семинар, как и в прошлом году. С той разницей, что проходил он в холле одной из гостиниц Москвы и выступал на нем не один Сэл Рейчел, а другие посвященные мастера.

Нам с Катей очень приглянулся Тверской бульвар, и сразу же захотелось по нему погулять. В один из вечеров мы отправились туда.

Вокруг гуляло много людей и, вообще, как, оказалось, праздновался праздник — Николин день — в честь Святого Николая Чудотворца. Согласно житию Святого Николай спас тонущего моряка из гроыхающей бури, и его освятили как хранителя людей во всех путешествиях и, особенно, в мореплавании.

Примечательно, что мы с Катей тоже свято чтим батюшку Николая Чудотворца и перед дорогой в Москву очень просили его помощи и заступничества за нас перед Богом. И когда попали на праздник, посвященный ему, то очень удивились. И, видимо, Святой Николай Чудотворец радовался тоже, созерцая нас на его празднестве. Он одарил нас подарком: без всякой платы нам вручили множество больших корабликов, сделанных из качественной бумаги с логотипом праздника Николина дня.

Мы с Катей вдоволь нафотографировались на бульваре, посмеялись, посмотрели на красоты вечерней Москвы. Люди вокруг неторопливо прогуливались: парами, врозь или целой компанией. Мимо проплывали счастливые, радостные

лица — люди наслаждались теплом, отдыхом, общением. И эта Радость была разлита словно по воздуху. Я её вдыхал полной грудью, и мы с моей Любимой Партнёршей вместе упивались усадой вечера.

Именно такая вечерняя добрая, ласковая, гостеприимная Москва запомнилась нам в тот день. И все стереотипы о том, что Москва — это город, в котором ты никому не нужен, где ты сам по себе — разрушились. Ты чувствовал единение с народом и ощущал себя неделимой его частью.

Вдруг на выходе с бульвара послышались звуки — играл саксофон под мелодии («минусовки») различных известных исполнителей и песен. Музыкант играл для Души, звуки его инструмента разносились по бульвару и обвивали каждого, кто вслушивался в них.

Мы с Катей не могли пройти мимо такого таланта и сели в сторонке на лавку. На спинке «танцевал» воздушный гелиевый шарик, что мы расценили как добрый знак. И неожиданно Катя говорит с огоньком в глазах:

— Давай потанцуем.

— Давай, — спокойно и легко я ей отвечаю.

Моё Сердце запело. Я и сам хотел уже было предложить Кате потанцевать, но она меня опередила. Позже Катя скажет, что она была воистину счастлива от того, что я легко и радостно согласился на её призыв к танцу, что ей всю жизнь не хватало действовать по велению души: захотел страстно что-либо сделать, иди и делай. Ну и пусть, что выглядит для

окружающих это странно или забавно, зато Душа будет рада, и потом ты не станешь корить себя за то, что не сделал, когда очень хотел.

Мы с Катей отошли от дороги на траву и стали танцевать под раскидистым деревцем. Романтическая мелодия окружила нас своей магией и шармом. Мы соединились в танце и вновь стали Одним Целым, наши Сердца бились в один такт, в такт мелодии. Я видел Счастливые очи Кати. Столько Счастья я, пожалуй, никогда не видел.

Моё Пламя словно воспарила над землёй от неги внутри, от Радости, что наполняло её Сердце. Я и сам благодарил Бога за эти мгновения, мне казалось, что я словно в каком-то другом мире нахожусь, как будто и звучащая мелодия, и деревья с пушистыми кронами, и весь Тверской бульвар — иллюзия, мираж, сон, в конце концов, декорации к какому-то большому спектаклю, который называется Жизнь.

Наш танец уже сам звучал в пространстве, и это были Небесные, Божественные звуки Любви. Мы попробовали потанцевать с размахом, но места было маловато, поэтому воспроизвести движения с Масленичного бала нам не удалось, но вальс потанцевали на славу.

Вдруг глазами натыкаюсь на воздушный шарик, что был привязан к нашей лавке. И через мгновение уже держу его в руке. Наша Любовь в тот момент предстала как шарик — воздушная, лёгкая и очень Радостная. Настолько Радостная и настолько лёгкая, что, не удерживая Её на земле, она бы от

Счастья вознеслась в Небеса и улетела высоко ввысь.

В танце мы с Катей парили, как две парящие высоко в небе птицы, которые дышат этим полётом, которые не могут жить без этой свободы во всём: в танце, в прикосновениях, в Любви... Мы кружились в танце, как будто весь мир крутился прямо сейчас вокруг нас, словно мы были осью Вселенной.

И у меня внутри возникло чувство, что я вновь полюбил Катю... уже в который раз. И Любовь Кати раскрылась передо мной как два белоснежных крыла и объяла меня в кокон неги и ласки... И я растворился в Кате, а Катя — во мне.

Мы с моей любимой Партнершей натамцевались вдоволь. Затем поблагодарили музыканта, сделали пару фотографий с ним и пошли на выход из бульвара — Счастливые и наполненные. Мы уходили с бульвара в таком состоянии, как будто мы слились в одно целое со всем вокруг, будто наша Любовь была частью Божественной Любви, из которой состояла вся наша Планета, из которой состоят звезды и вся наша Вселенная. Мы выходили из аллеи, и у нас за спиной трепетали огромные белоснежные крылья. И на этих крыльях мы полетели вперёд — навстречу к нашему Изобилию и Счастью...»

Родители Тимофея

Это все красиво и замечательно. Но начались бессонные ночи. Я была все еще замужем, и не собиралась разводиться в виду того, что жить с Тимофеем нам было пока негде, и ...ему двадцать лет, где гарантия, что, уйдя от мужа, и начав жить с мальчиком в съемной квартире, он сохранит любовь и не полюбит кого-нибудь другого.

Душе претило вранье, но Разум отказывался от вынесения правды наружу. Я потеряла сон. Будучи настолько взбудораженной от Божественной встречи со своим Пламенем, как утверждал Тимофей, моя нервная система не выдерживала волнений и тревог, и я просыпалась в три часа ночи и более спать не могла до пробудки.

На работу ездила в таком состоянии и терпела до субботы, вернее, до воскресения, чтобы выспаться. На работе я не выполняла весь необходимый объем, меня оставляли без премий и делали выволочки на педсоветах.

О-ч-е-н-ь трудно совмещать Любовь и работу, отношения с любимым и мужем, который становился мне все более далеким и все более похожим на родственника, нежели на мужа. Отношения с ним как с мужчиной постепенно сошли на «нет», его здоровье требовало заботы и внимания.

Ситуация складывалась так, что Тимофей не мог без конца отговариваться наличием эфемерного друга, у которо-

го он якобы ночует. И мы подумывали, что поиск съемной квартиры становится одной из основных задач текущего момента. Если я могла еще сказать, что еду к маме в гости или на дачу помогать или что-то подобное, то ему хотелось, во-первых, выйти из утаивания правды и сказать все как есть обо мне, во-вторых, чтобы переехать на съемную квартиру, следовало сообщить причину такого решения.

Улучив момент, Тимофей сообщил своим родителям о нас с ним, рассказав о моем возрасте и занятиях. Мама, Лариса Дмитриевна, конечно же, пришла в ужас.

— Сколько-сколько ей лет?

— Тридцать семь.

— Сын, у тебя с ней серьезно? — вопрошала мама.

— Серьезно. Я ее люблю.

После таких новостей его мама пожелала познакомиться со мной. И вот была назначена встреча. Но чтобы достоверно передать, в какой тональности она происходила, следует непременно рассказать о родителях Тимофея, в целом, и о ней, в частности.

Итак, когда мы познакомились с Тимофеем, буквально спустя год, у его родителей начался период развода. Длинный, тяжелый, с разборками, обвинениями, решением вопроса о разделе имущества. Последний вопрос, к их чести сказать, они решали недолго, без каких-либо отягощающих споров, достигнув обоюдного согласия.

Кто из них прав, кто виноват в разломе отношений, без-

условно, судить не нам. Лариса Дмитриевна считает, что виноват ее муж, начав романтическую связь с секретарем на работе, а отец Тимофея считает, что он ни в чем не виноват, его обвинили ложно. Но процесс разлома их брачного союза, длившегося двадцать лет, ускорялся и ускорялся. Алексей Борисович пытался его спасти, даря дорогие подарки своей жене, идя на всевозможные уступки, но Лариса Дмитриевна осталась тверда в своем намерении развестись.

Она устала от пассивности мужа, потери у него интереса к жизненной активности.

Конечно, на этом фоне жизнь их сына отошла на второй план, и они, по их мнению, его упустили.

Серьезный разговор

Встреча с Ларисой Дмитриевной происходила в салоне красоты моей подруги, где, между прочим, она однажды делала депиляцию. Подруга предоставило в мое распоряжение отдельный кабинет, где хранился инвентарь для проведения массажей и прочего. Там нам никто не мог бы помешать. А всюду в кафе звучит музыка, что никак не располагает к серьезному разговору.

Мне было откровенно страшно. Меня потряхивало. Мама Тимофея занимала пост директора одного из торговых центров города крупной фирмы, и знала себе цену.

Я против нее — учитель без наград и званий, захватившая ее сына в свои руки.

День встречи подошел, и я, набравшись смелости, отправилась в салон. Я не испытывала особого страха или боязни, Тимофей подбадривал меня как мог. Он ожидал меня в кафе по соседству с салоном, чтобы в случае чего прибыть на подмогу в любой момент.

Ларису Дмитриевну я видела на фото, ее смело можно назвать красивой, ухоженной женщиной, держащей себя в спортивной форме. Предположу, что главное в ее красоте, это яркость черт, а также стройность, поволока во взгляде. Тимофей внешне походил на маму очень сильно. Кудряшки по бокам шеи со стороны затылка придавали ему милости и

невероятного очарования.

Мама Тимофея пришла в назначенный час. После приветствия спросила кратко:

— Куда проходить?

Я показала.

В тот день я выглядела замечательно: на мне была белая шелковая блузка, ниже колен коричневого цвета юбка покроя полусолнышка и дорогие кожаные черные сапоги. Мой внешний вид не соответствовал возрасту, что играло в мою пользу.

На мое предложение о кофе или чае, Лариса Дмитриевна отказалась. Я же налила себе чашку. Держа в руке чашку или помешивая ложкой в ней сахар, позволяло мне заземляться.

Мама Тимофея, не скрывая своего взгляда, оглядела меня с ног до головы и спросила:

— Расскажите, как у вас все произошло, — попросила она, сдерживая эмоции.

— Началось с того, что мы готовились к олимпиаде, затем Тимофей заинтересовался сказками, мы начали готовить спектакль и затем... само собой получилось, мы сблизились.

— Вы замужем? — бросила она мне первый козырь.

— Да, — крыть было нечем.

— И как вы, замужняя взрослая женщина, можете спать с молодым парнем? — спросила Лариса Дмитриевна с некоторой брезгливостью в голосе.

— Никто не стремился к этому, но... — я не закончила

фразу. — Видите ли, в прошлой жизни мы были знакомы с Тимофеем, и, встретившись сейчас, очень трудно противостоять притяжению, — сделала попытку отыгаться я.

— Но даже если это и так, совсем необязательно допускать интимных отношений. У вас другая жизнь.

Далее она пыталась сослаться на то, что «они с мужем» прожили долгую жизнь и хотели бы, чтобы их сын также был счастлив в браке. В этом месте голос ее немного дал слабину.

Мысленно я вздохнула, муж уже не принадлежал ей, она сама удалила его из своей жизни. Опоры у нее нет.

— Вы любите Тимофея? — перешла Лариса Дмитриевна на чувства. И это было единственным оправданием моего поведения в глазах Ларисы Дмитриевны. И я им воспользовалась.

— Люблю, — искренне и просто ответила я.

Разговор заканчивался, и мы распрощались.

Со своей стороны я ее очень понимаю. Никто бы, наверное, не желал для своего сына девушку — женщину, да еще замужнюю. Я ж тоже мать. Но что я могла поделать с собой? Я ждала этой встречи всю жизнь, шла к ней, стремилась всеми фибрами души, призывала Его в свою жизнь. Как же отказываться от этого... Сама, своим волеизъявлением, отказаться?..

То, что у мамы Тимофея не было больше опоры со стороны мужчины, я оказалась абсолютно права, иначе, будь они вместе, нам бы с Тимофеем не видать друг друга. Отправи-

ли бы они его куда-нибудь учиться, в тот же Ульяновск или Петербург. У его мамы были в летном училище связи.

Но Лариса Дмитриевна нашла опору в другом родственнике, в своей родной сестре.

Та мне позвонила, жутко кричала, не выбирая выражений, будучи готовой вытрясти из меня душу.

Эмоции постепенно улеглись. Главное, теперь его родители знали обо мне, и стало легче.

ГЛАВА 5. НЕВОЛЬНАЯ ИГРА В «ПРЯТКИ»

Когда Катя с Тимофеем вернулись из Москвы, Тимофей приступил к первому году обучения в ВУЗе.

Им, как и всем другим молодым парам, только-только познавшим друг друга, хотелось бы проводить время вместе. А где ж его проводить? Где найти место, чтобы было хорошо и спокойно, чисто и уютно? Такому месту название дом, но его нет.

Даже если б представить на минутку, что Катя располагала свободными средствами, то непременно она бы приобрела дом или квартиру, чтобы жить вместе с любимым человеком. Поскольку это всего воображаемая ситуация, то на деле приходилось искать место для совместного времяпрепровождения.

«Операция» на лбу

Такое бывает разве что в детективах или хорошо продуманных фильмах. Такого не бывает в жизни. Это как некая ошибка, или сбой в матрице. Но он настолько меткий и четкий по всем параметрам, что производит впечатление чуда.

Мы нашли квартиру по объявлению, оплатили за месяц, оплатили комиссионные, завезли свои немногочисленные пожитки.

В этой квартире пахло затхлым, несмотря на то, что хозяйева сделали ремонт. Она находилась на втором этаже старого пятиэтажного здания почти в центре города.

В тот период времени у Тимофея на лбу росло какое-то образование, типа грибка или еще чего. Мы предполагали, что он в армии подцепил что-то. Что он с ним только не делал, желая избавиться от него! И прижигал его йодом, и натирал чистотелом, и выдираал щипчиками, но ничего не помогало. Растет и все «куст» на лбу, почти в самом центре, как третий глаз. Корень ответвляется, «ветки» образования в разные стороны топорщатся. Смотреть противно. Понятно, что спора какая-то попала или само выросло из недр организма. Конечно, на все есть причина, и на этот нарост тоже.

Мой друг причины не стал докапываться, просто думал о том, чтобы избавиться от этой заразы.

Заходит Тимофей в самый первый день в ванную руки помыть. И вдруг искрометная боль во лбу!

— А-а-а! — закричал молодой человек и схватился за лоб.

Со всего маха Тимофей наткнулся на штырь, торчащий на стене. Глянул в зеркало и ахнул. На месте заразы — красное пятно от удара, небольшая вмятина и никакого «куста». В первые секунды парень даже не понял, что произошло, и что воткнулось ему в лоб.

Посмотрел на стену. При входе сразу справа от двери на ней красовалась обыкновенная вешалка для полотенец, с несколькими металлическими трубками, с одного края расходившимися в разные стороны. И одна из трубок торчала как штырь, нацелившись прямо на входящего в ванну.

Тимофей полотенца еще даже повесить не успел, как получил благодатный удар. Удар пришелся точно в то самое место, откуда корень заразы торчал.

Возможно ли такое, вам судить, уважаемые читатели. Но я сама видела его лоб и даже ту ямку на коже. И теперь там чисто и красиво, операция прошла как нельзя более успешно.

В квартире той мы прожили ровно месяц и съехали. Там по ночам нам во сне старуха приходила, что ушла в другой мир в той квартире. Не понравились мы ей, вот она и донимала нас ночными кошмарами, в которых требовала выметаться из ее квартиры. А нам квартира не понравилась, тесно, убого, мрачно. Так что, взаимно.

Пришлось искать иное жилье.

Сдавали квартиру в многоквартирном панельном блоке, через лог от дома, где жил Слава. Хотя и однокомнатная, она казалась просторной. Сменив обои в комнате и освежив потолки во всей квартире, мы обрели свой угол, чтобы не мотаться по разным пристанищам. И даже это было не так важно, как то, что эту квартиру мы превратили в свою мастерскую. Сюда перевезли все игрушки и куклы, что представляло собой кукольный инвентарь для спектаклей, которые мы продолжали готовить и ходить по садам с их показами.

Постепенно от сказок мы перешли к теме проведения военно-полевых игр, и инвентарь, соответственно, у нас изменился и увеличился в объеме.

С поворотом солнца на наше полушарие, когда сезон всех сказок и игр закончился, идея находиться в городе в свободное время крайне не симпатизировала нам. Где ж нам проводить летние деньки, чтобы воздухом свежим дышать, а не газом отравляющим, и на зелень смотреть, а не на бетонно-стеклянные строения?

Удобный случай

И тут на подмогу пришло неожиданное событие. Моя сестра Арина, живущая за рубежом, собралась рожать. Она прожила там много лет, прежде чем они с мужем решили завести детей. Неожиданное оно оказалось в том смысле, что Арина позвала родителей к себе, оформив им визу и купив билеты. И весь период родов, а также последующее первое время ей была особенно нужна поддержка мамы, а мама одна за рубеж, понятно, не поедет.

Вместе с тем у нас с Тимофеем открылось временное окно для совместного времяпрепровождения у моих родителей в саду. Мама не могла взять и бросить сад, а я ей как раз и пригодилась. Мне там предстояло ухаживать за растениями, поливать, полоть и еще тысячу других мелких вещей выполнять.

Тимофей не помогал мне в огородных работах. Он вообще ничего не делал. Он мог только сидеть в садовом домике и пить со мной чай. Молодой человек выходил на улицу, только если соседи по какой-то причине уезжали, это случалось редко, потому что они там жили летом.

С апреля по июль все выходные были в нашем распоряжении. Мой дорогой и ненаглядный приезжал из города либо позже меня, либо мы приезжали вместе. Но как бы там ни было, я заходила на участок, как обычно родители заходят,

снизу, а Тима обходил весь СНТ, и я впускала его в заднюю калитку, врезанную в заборе сверху. Верхний забор являлся для маминого сада задним забором.

Чтобы ему попасть не замеченным соседями, чей дом располагался слева (если заходим снизу) от нашего участка, приходилось идти на ухищрения.

Тима делал несколько шагов стоя, затем крался вдоль линии забора, огибал сарайчик и... приседал, проделывая в таком положении еще несколько шагов. Оставалось самое последнее — нырнуть в открытую дверь домика, которая, к нашей досаде, открывалась не со стороны гостя. Мне никак нельзя было показывать его, ведь о нем пока никто не знал в моей семье, кроме сына.

Что же делать? Как запустить моего любимого дорогого внутрь? В окна соседского дома наш вход просматривался как на ладони.

И я придумала! Очень легко и гениально просто!

Схватив в домике покрывало, я вынесла его наружу и принялась вытряхивать из него пыль. Я встала спиной к дверям, тем самым предоставляя Тимофею проникнуть внутрь безо всякого труда и беспокойства, что его заметят.

Этим приемом мы стали пользоваться каждый раз, как у нас с мальчиком намечалось свидание.

Но все когда-нибудь заканчивается, гостевой период у сестры у родителей завершился. Они вернулись домой, а наши тайные встречи прекратились».

Успеть до грозы

Нас слышат всегда, каждую минуту, и главное, чтобы мы сами обращались к ним за помощью.

«...В тот день я шла к маме в сад. В стороне, где находился дачный поселок, сгущались тучи. Они расплзлись по горизонту и наплывали на город. Синева медленно, но уверенно превращалась в черноту. Она нависала над поселком.

Я шла пешком из центра городка, где автобус высаживал пассажиров, на окраину, где и располагались дачные участки. На мне грузом висел ноутбук, рюкзак с вещами и дамская сумочка. Она также была увесистой, потому что помимо телефона и мелочевки в ней лежали ключи от своей городской квартиры, ключи от квартиры родителей, что проживали здесь, ключи от дачного домика, включая подсобки. Столько железа приходилось нести!

Небо показывало всем своим нахмуренным видом, что гроза грянет вот-вот. И начала молить архангела Михаила помочь успеть до дождя добежать до домика.

— Архангел Михаил, мне нужно ровно пятнадцать минут. Попридержи дождь, пожалуйста.

Я пустилась бежать. Но, какая скорость у бега с такой нагрузкой на плечах?.. Но я мчалась, что было сил. Когда до рога городка свернула на поселок, перешла на шаг. Слева от

меня блестела водная гладь огромного пруда. Она впитывала черноту неба и покрывалась ею.

— Архангел Михаил, мне нужно еще пять минут, всего пять минут.

Я шла настолько быстро, насколько можно было. Переставляя ноги, при этом оглядывала небо. На улице стояла южная жара. Это было первое лето, когда мы все почувствовали дыхание юга. Тело потело даже в малоподвижном состоянии. Воздух прел, его нельзя было вдохнуть полной грудью. Он казался тяжелым, набухшим, водяным.

Грозовая туча, закрывшая горизонт, набухла на глазах. Она грозно смотрела на меня, пронизывая своей мощью. По сравнению с ней я казалась малюсенькой песчинкой, пытающейся спастись. «Если не попаду в домик до грозы, меня снесет волной дождя», — вдруг пришло в голову. Еще неистовее я принялась за свои просьбы к высшим силам, твердила, не переставая:

— Подождите, подержите грозу. Пожалуйста. Вы же видите, я тороплюсь изо-всех сил. Три минуты. Мне нужно три минуты.

Порыв ветра растрепал мне волосы, прилипшие ко лбу. Капнула капля дождя.

— Еще минуту ждите, — молила я, когда до ворот нашего сада оставалось метров триста. — Еще минуту ровно.

Я достигла ворот, открыла и закрыла за собой железный засов.

— Ааа, еще чуть-чуть, еще тридцать секунд, — вприпрыжку бежала к домику. Оставалось метров двадцать.

С неба начали падать капли, все больше.

— Двадцать секунд, десять секунд, — я бежала по траве своего участка. — Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...

На последней секунде я уже открывала дверь веранды, и почти запрыгнула в нее. И следом за спиной хлынула стена дождя.

Зашла в дом, сбросила с себя все сумки, подошла к окну. Дождь поливал землю мощными струями воды. Я благодарила архангела Михаила и его помощников. Если бы не их помощь, оказаться мне вымокшей до нитки. И если б только это! Ветер швырял бы меня из стороны в сторону, как щепку, и пришлось бы держаться за землю, чтобы не отдаться на его волю.

Еще по дороге, ближе уже к саду, пришло ощущение, что меня слышат и дают возможность успеть добежать до укрытия. И еще, мне казалось, они улыбаются, глядя как я тут пыхчу со всеми своими котомками, спеша в садовый домик. Они улыбались по-доброму, и от этого внутри было приятно. Я им очень благодарна за такое общение и в какой-то степени — игру».

Прошу руки вашей дочери

Мы собирались сообщить моей маме о решении сойтись с Тимофеем, а с мужем развестись. Конечно, кто не как мама способна понять дочь, и кто, как не она должна узнать о решении ее дитя начать новую жизнь.

В тот день приехала в гости моя давняя подруга по имени Света, мы с ней делили квартиру во времена первых моих лет работы в колледже.

После дневных трудов на участке мы сидели с ней в домике, пили чай и мирно разговаривали. Уже спустились сумерки, мы зашторили окна и собирались раскладывать постельное, чтобы провести ночь на даче.

Неожиданно за окном разразилась гроза. Ветки дерева, росшего рядом с домиком, хлестали по стеклу, когда ветер дул в сторону города. Дождь с силой лил по земле, потоки воды, ударявшие о железную крышу, заглушали наш разговор. Это придавало нашему вечеру мистичности и изолировало нас от остального мира. Мы со Светой замолчали, прислушиваясь к звукам снаружи. А там грохотал гром, и всполохи молний отражались на ночном небе, на которое мы взирали в окно, поспешив его расшторить.

Вдруг среди этой какофонии звуков в дверь раздался стук, громкий, требовательный.

У меня лично сердце ушло в пятки. Света соскочила с дивана и быстро оказалась у входных дверей веранды. Двери самого домика мы держали открытыми, чтобы слушать бушующую стихию воды и воздуха.

— Кто там? — смело спросила она.

В это самое время раздался новый раскат грома, и он заглушил ответ.

Дверь веранды закрывалась на тонкий крючок. «При желании его можно было бы сорвать резким движением на себя без особого старания. Если еще не сорвали, значит, добрые люди стучат», — промелькнуло в моей голове за пару секунд.

Стук повторился уже в стекло.

— Это я, Тимофей! — расслышали мы сквозь непогоду.

Я ожидала дорогого и любимого завтра утром, но никак не сейчас в грозу. А он вернулся с вахты сегодня после месяца работы в другом регионе.

Мы запустили внутрь промокшего до нитки парня.

— Привет, Тимофей! — эмоционально поздоровалась Света.

Я ж ее не предупреждала о возможном появлении моего возлюбленного. Ну она девочка свойская, всегда сможет понять, если что.

— Доброй ночи! — отозвался он.

— Ты как тут оказался? — накинулись мы на него с расспросами.

— А решил до завтра не откладывать, вот и приехал на

последнем автобусе. Промок весь, — объяснял он. — Я же знал, что Света тут, поэтому подумал, что составлю вам компанию.

— Садись, мы тебе чаю горячего нальем, — предложила Света, опередив меня.

— Да, с радостью попою горяченького, — улыбался Тимофей, поглядев на Свету, потом на меня.

А я улыбалась ему в ответ. Мы оба знали, что утром у нас запланировано важное событие.

На этом вечер закончился, да и гроза незаметно отошла за горизонт.

Утром Тимофей ушел через заднюю калитку, чтобы прийти по моему сигналу через переднюю, как гость. Незванный, правда. Маму я ни о чем не предупреждала.

Родители приехали, как обычно, рано, но мы со Светой уже встали и позавтракали. Выйдя на улицу к родителям, я с ходу сказала:

— К нам сейчас гость придет.

— Что за гость? — недовольным и даже слегка испуганным голосом сказала мама, как-то нехорошо взглянув на меня.

— Сама увидишь. Вон он идет уже.

Тимофей шел понизу, поднимаясь на участок. Я успела заранее ему позвонить.

Он был одет в тонкую синюю куртку, приятно оттеняющую его загорелое лицо. Кудряшки свисали со лба, делая его

милым и располагающим к себе.

— Здравствуйте, Ирина Владимировна! Здравствуйте, Геннадий Николаевич! — сказал Тимофей.

Света стояла рядом и наблюдала за происходящим.

— Здравствье, — промямлила мама в ответ.

Тимофей не обращал внимания на прием. Он шел напролом вперед, тянуть было бы неразумно и даже опасно. Это его основная черта характера. Если начал, говори до конца все и сразу.

Света срочно засобиравлась домой.

— Я пойду, — на ходу сказала она и двинулась на выход с участка.

— Света, ты куда? Останься! — почти взмолилась я.

— Нет-нет! Мне пора! — она ускорила свой шаг, переходя на легкий бег.

— Пока, — попрощалась я кратко, понимая подругу, пожелавшую избежать семейной сцены. Другие не смотрели на Свету, им было не до нее.

— Я прошу руки вашей дочери. Мы любим друг друга и хотим начать жить вместе, — выпалил Тимофей одним предложением трудную фразу.

Мама и папа, конечно, догадывались, что у меня кто-то есть в городе, откуда я приезжала реже и наполненная внутренним счастьем. Его не увидеть — не заметить, как ни скрывай, пожалуй, никак не получится, потому что счастье светится, а свет излучает радость.

Мама с папой не ожидали, что мой избранник будет настолько молодым.

— А что, надо принимать! — широко улыбнулся папа, готовый пойти навстречу гостю, чтобы пожать руку.

— Нет! Этому не бывать никогда! — заявила мама и отошла под прикрытие кустов сзади. — У нас в роду никто не разводился никогда. Я не разрешаю.

Все как-то поникли вдруг. Наш запал на разговор с родителями иссяк. Радость испарилась. Засобирался уйти и Тимофей. Родители сели в машину, отвезли его и меня на вокзал. Я присоединилась к своему дорожному и любимому.

С тех пор пошло все по-старому, я не пошла в разрез с маминым отказом. Но дело не только в ней одной. Жилья своего не имелось, дохода постоянного тоже. Какую семью начинать при таких обстоятельствах... Но оставался обман Славы. И это угнетало более всего. В случае, как поступить по отношению к нему, мы не могли определиться. Вроде бы надо сказать и уйти, а уйти некуда. Да и возраст юный Тимофея не внушал доверия. Вот это и был основным тормозом моего движения вперед к моему союзу с ним.

Глава 6. «ТРИО»

Перекресток

После жесткого отказа моей мамы, а ее слово было решающим в паре с папой, приезжать в сад представлялось нереальным, тем более, что в сад они с папой навевались ежедневно, проводя там целые дни напролет, только что не ночуя.

Хорошо нам отдыхалось вдвоем в саду на лоне природы, и мы, даже загрузить не успели, потеряв это место встречи, как на смену ему нашлось другое, и, знаете, очень даже необычное.

Началось с того, что Катя решила поехать к своей двоюродной бабушке на дачу. Бабушке исполнилось восемьдесят три года, и она хотела ее поздравить. Чтобы до нее добраться, нужно сесть на рейсовый автобус, но на тот момент времени предстояло ждать его два часа, либо добираться на попутках.

«...Конечно, совсем не обязательно было спешить, но мне нужно было непременно успеть к 10:30 на станцию, куда прибывал мой друг Тимофей, которого я позвала с собой. Он тоже хотел поздравить мою бабушку с днем рождения.

Он поедет из областного центра на электричке. Там, откуда ехала я, а это из районного городка N, автобусы до дачи бабушки ходили три раза в день. И это было благом, поскольку иначе вообще никак до нее не добраться. Мы с другом давно не виделись, и встретиться у моей бабушки на даче в знойную жару, представлялось наилучшим вариантом из всех других возможных.

Желание увидеться с другом как можно быстрее подтолкнуло меня выбрать попутки. Прыгнув в автобус, ехавший до отворота на поселок, близ которого располагалась дача, я почти не переживала о дальнейшей дороге. Как всегда, я надеялась на помощь и поддержку ангелов. На отвороте вышла и встала на обочине. Сумку поставила на землю, а сама принялась прохаживаться взад-вперед. Машины редко сворачивали в сторону поселка, весь поток машин шел по федеральной трассе. Я пропустила две машины и решила голосовать.

Одна, вторая, третья... Машины проезжали мимо. Я достала купленный накануне пакет сока, кусок кекса и, сев на сумку, приступила к завтраку. При виде машины я вскакивала и с пакетом сока в руке голосовала. Мимо. Еще раз мимо. И еще мимо. И еще много раз мимо.

Что же делать? В любом случае через два часа здесь пойдет рейсовый автобус. Правда, к тому времени электричка давно уже придет, и Тимофей будет меня ждать. Это, конечно, не страшно, но время ценится дорого.

Я смотрела на придорожные кафе, которыми был облеп-

лен перекресток, и диву давалась. То и дело со стоянки и на стоянку, примыкающую к кафе, двигались фуры. Каждые две-три минуты в ту или иную сторону выезжала многотонная махина. Не понятно, куда столько товара? Раньше люди обходились без огромного числа вещей, а теперь искусственно созданный бум вокруг всякого рода шуршащих пакетиков, фантиков, оберток и прочего превратили человека в Потребителя с большой буквы. А потом все использованные или потребленные товары выбрасываются на лоно природы.

На этом перекрестке также стояли аж две электромагнитные вышки. Зачем две? Они как будто намагничивали этот процесс — движения фур. И те, словно не в состоянии противостоять вышкам, сворачивали на стоянку. Я мысленно сжалась от их давления и просила ангелов быстрее послать мне машину.

Но она все никак не ловилась. Крутые машины останавливать я и не пыталась, потому что для сидящих в них люди на обочине — пыль. А пыль не замечают. Я махала рукой машинам попроще. Но люди проезжали мимо, поглядывая на меня из стекол своих авто. Вируса боятся, что ли? Мне взгрустнулось.

Вдруг под ногами обнаружила фантик, но он оказался не пустой, а с печеньем и называлось оно не как иначе, а «Трио». Улыбка сама появилась на моем лице. Конечно, это был знак. Нас на даче будет трое.

Срезанные повороты

Поглядывая на часы в телефоне, я отметила, что до рейсового автобуса оставался час. Я махнула очередному автомобилю, и он притормозил. В нем сидело двое, за рулем постарше молодой человек, а рядом с ним — совсем молодой, лет двадцать. Была-не была, села в машину.

На мне были надеты джинсовые шорты до колен, рубашка-разлетайка и на голове красовалась дамская шляпа с полями.

Сначала мы ехали молча. Вернее, я молчала, держась за ручку поглядывая на дорогу. Дорога, ведущая на поселок, была асфальтирована и шла вверх по принципу змейки. Мы ехали очень быстро. Водитель ехал не по своей полосе, а смещался влево на повороте и срезал. Молчание казалось немного натянутым, и хотелось каким-то образом разрядить тишину. Я рассмеялась вслух.

— Вы, наверное, гонщик — так ловко ведете машину! Никаких поворотов, по прямой едете.

— А вам страшно? — любопытствовал водитель.

— Может быть и не очень, но так в первый раз в жизни еду.

— Ладно, не бойтесь.

Смотрю, водитель стал заезжать на встречную полосу не полностью, а наполовину.

Тут я решила «включить» словоохотливую пассажирку. А что, думаю, молчать, еще увезут не туда, а когда болтаешь, люди становятся добрее, мягче.

— Я к бабушке еду, — сделала я попытку начать свой рассказ. — Запуталась с автобусами с утра. Вот и пришлось машину ловить.

Смотрю, слушают. Продолжила.

Обманутая бабушка

— Бабушку мою собственный сынок обманул. У нее было две квартиры. Одну она ему сразу отписала как наследнику, и он ее сдавал в аренду. В другой квартире бабушка жила, да и то, одна доля в ней приходилась на сына. Около сына крутилась женщина. Сын жил у нее. Женщина работала гримером в местном театре оперы и балета и постоянно выезжала с труппой на гастроли. Но когда она уезжала, то закрывала свою квартиру на ключ, а своего «верного» выставляла на улицу, мол, иди к маме.

Павел, так его зовут, приходил к маме, и пил, пока та не возвращалась. А мама, т. е. Нина Гавриловна, и кормила его, и одевала, потому что сынок нигде не работал. Она даже ходила ему трусы и носки покупала. И так много лет. Бабушкина квартира, в которой она жила, находилась на пятом этаже. Подниматься наверх в ее годы становилось все тяжелее, и Нина Гавриловна задумала переехать в другую свою квартиру, в ту, что сдавалась. Она хоть находилась тоже на пятом этаже, но в доме был лифт. Бабушка затеяла ремонт, чтобы туда переехать. Она сама ездила на квартиру, мыла, скоблила, мусор вытаскивала. Сын и его подруга не очень много, но все же помогали. Павел тот вообще отделочник по профессии. Квартиры всем родственникам своей подруги отделал «так просто», за то его подруга и держала Павла при себе.

Ну а как не помогать ремонтировать? Квартира — собственность сына. Да и бабушка полностью оплатила ремонт, отдала свои последние сбережения. Она еще переживала, что не хватило денег на туалет и ванну. А...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.